

Анатолий Галкин

Замкнутый круг



Анатолий Галкин

Замкнутый круг

Текст предоставлен Автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4441981

Аннотация

На молодого сыщика Олега Крылова одно за другим навалились три любопытных дела. Каждая загадочная история связана с наследством, с кладом, шифрами и с красивой любовью.

В ходе расследований Олегу придется вникать в романтические истории столетней давности. Ему предстоит бегать от киллеров по Версалию, загружать делами нашего резидента в Париже, устраивать ловушку на дачном участке, ломать старый дом в Малаховке и крушить магазин на Мясницкой.

События развиваются стремительно. И не всегда, и не все получается с первого раза. Но в таких историях удача всегда должна быть справедливой!

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анатолий Галкин

Замкнутый круг

Часть 1

Наследство купца Собакина

В маленьком антикварном магазине «Эмират» было всего одно витринное окно. В нем, сгорбившись и прислонившись к стене, стоял манекен в латах грозного средневекового рыцаря. У его ног разместились красивые старинные вещи – две вазы китайского фарфора, бронзовые канделябры, арабский кальян с бирюзой и множество фигурок из оникса, нефрита, малахита.

Если говорить честно, то это был даже не магазинчик, а небольшая лавка. При шести покупателях в торговом зале было тесно, а десять человек помещались сюда, но как шпроты в банку...

* * *

Обычно за прилавком стоял хозяин «Эмиратов» – антиквар пенсионного возраста по фамилии Рыжов.

Иногда его подменяла жена Эмма Исааковна, которая спускалась с третьего этажа по черной лестнице и, не выходя на улицу, сразу попадала в подсобку магазина. Там был маленький склад и чулан с вывеской на двери «Директор антикварного салона З.И. Рыжов».

Захар Ильич очень гордился, что ловко сочинил название своей лавки. Все думают, что «Эмират» – это место, где живут шейхи, султаны и где много дешевого золота. И только он знал, что в этом слове зашифровано девичье имя его жены Эммы Исааковны Ратберг.

Удивительно, но к шестидесяти годам старик Захар Рыжов стал любить жену еще крепче и сентиментальней.

Он часто вспоминал их молодые годы, прогулки в темных переулках и поцелуи на набережной Яузы. В это время они были молодые и чушь прекрасную несли.

Тогда все было не так, как сейчас! Он слегка обнимал ее в разных местах, и они сразу трепетали от страсти. А сейчас – за что ни возьмись, никаких бурных эмоций!

* * *

Магазин «Эмират» закрывался в десять вечера. Но сегодня у покупателей был постный день. Лишь в полдень милая парочка купила обручальные кольца, и шальная девица выбрала себе серебряную цепочку.

И это все! Во второй половине дня Захар Ильич не видел ни одного клиента.

Уже без двадцати десять антиквар начал готовить лавку к закрытию. Он убрал самые ценные товары в сейф, запер на засов дверь черного хода и включил сигнализацию.

Более того – Рыжов вырубил свет и вышел на улицу, гремя связкой ключей. Но запеть магазин не удалось. Как джин из сосуда возник покупатель. Невзрачный сорокалетний зануда в очках и шляпе. Типичный хилый интеллигент из прошлого века.

Покупатель назойливо намекнул про «пятнадцать минут до закрытия магазина».

Жаль, но этот очкарик был прав! Он клиент, а клиент всегда прав...

Захар Ильич выдавил из себя улыбку, невнятно извинился, распахнул дверь и проскочил первым, включая в магазине свет.

Покупатель выглядел странно. Он был лохматым и рыжим. Он поднял воротник плаща и надвинул шляпу по самые брови. Кроме того, этот тип раз в десять секунд оглядывался, стараясь делать это незаметно.

Поведение незнакомца было неестественным, но Рыжов видел и не такое. Захар Ильич хорошо знал, что в ювелирных магазинах люди меняются. Сверкающие камни, горы золота и цены на этикетках мутят разум, как игристое шампанское.

Так было всегда! Каждый второй покупатель вел себя неадекватно – так, как будто он находился «под мухой».

Странный посетитель последний раз оглянулся, успокоился и задал свой главный вопрос.

– Вы хороший антиквар?

– Не знаю, но все говорят, что да. У меня дипломы есть. И я написал книгу про Фаберже. Я бы еще себя похвалил, но я очень скромный!

– И не надо больше хвалить! Я все понял. Посмотрите сюда!

Рыжий незнакомец засунул руку во внутренний карман плаща, вытащил непонятную вещицу, упакованную в лист серой бумаги, и поставил ее на стойку.

Развернув изделие, Рыжов отошел на шаг назад и плотно прислонился к полкам, на которых грудились шкатулки, подсвечники, кубки и прочий серебряный антиквариат.

Захару Ильичу надо было на что-то опереться, потому что ноги его стали ватными и непослушными.

Рыжов еще раз взглянул на прилавок.

Так и есть!

Там стоял пес в пять дюймов роста. Именно та собака, о которой антиквар читал в архиве, в фонде Фаберже – платиновый пудель с изумрудными глазами и золотым ошейником. Как и в том описании, милый курчавый пес сидел на маленькой зеленой лужайке из малахита.

Очевидно, что реакция антиквара насторожила рыжего гостя. Он стал чаще оглядываться и протянул руку, собираясь забрать своего бобика. Но Рыжов опередил! Он схватил статуэтку, поднес ее под лупу и развернул тем местом, где обычно ставили клеймо. И точно! У хвоста справа личный знак мастера, а слева – заветная печать с буквами «К.Ф.».

– Молодой человек, вы хотите это продать?

– Нет! Не продать, а только оценить, сколько это может стоить? И что лучше – продавать поштучно или всю псарню?

– Так у вас они все? Все десять?

– Не скажу! Я первый вас спросил. Я заплачу за оценку. Так сколько это стоит?

– Это бесценно! Это нельзя продавать! Только в музей! И только в наш, в российский музей!

– Хоть приблизительно – сколько это стоит? Если ее, скажем, на аукционе продать. В Париже или в Лондоне?

– Если в Париже, я думаю, что поодиночке – по два-три миллиона долларов за штуку. А если вся коллекция, то не меньше сорока миллионов.

На последней фразе посетитель перегнулся через прилавок, выхватил пуделя из руки антиквара и пробормотал что-то невнятное, похожее на «Большое спасибо! Рад был познакомиться».

После этого он рванул к двери и растворился в вечернем сумраке пустынных арбатских переулков.

У Рыжова не было сил бежать за ним. И не было явных причин задерживать покупателя.

За что? Человек принес показать свою драгоценную вещицу! Почему его надо держать и не пущать?

До сих пор ноги у Захара Ильича были мягкими, но они держали его в вертикальном положении. А в какой-то момент у него все подкосилось, и антиквар осел на пол.

Он думал, что потеряет сознание, но вскоре голова прояснилась, и в ней появились умные мысли.

Удивительно, но в сидячем положении лучше думается. Особенно, если ты примостился между прилавком и полкой с набором серебряной утвари...

* * *

Рыжову вспомнилась легенда о купце Степане Собакине, о его жене Фаине и о десяти собачках от Фаберже.

А еще антиквар подумал, что надо непременно позвонить Варваре Галактионовой.

Эту дальнюю родственницу Захар Ильич вспоминал очень часто. Он знал, что она может помочь в сложных случаях – при кражах, при наездах и при налетах.

Рыжов встречался с ней редко, но всегда помнил, что Варя, его троюродная племянница. Она работает в детективном агентстве с умным названием «Сова».

Сидя под прилавком, антиквар услышал, как скрипнула дверь. Послышались осторожные шаги. Кто-то входил в магазин.

Применив простую логику, Захар Ильич решил, что это вор, бандит или грабитель. А кто же еще? И потом, всем известно, что беда не приходит одна!

Рыжов протянул руку к нижней полке, мысленно извинился перед богом и схватил увесистый крест, тяжелый, как молоток. Потом он резко вскочил и замахнулся серебряным распятием на вошедшего! Перед ним стояла жена в плаще, наброшенном на домашний халатик.

Естественно, что глаза у Эммы Исааковны были круглые, огромные и испуганные.

– Захар, ты живой?

– Мне кажется, что да.

– Сейчас и мне так кажется, но теперь я думаю, что нас ограбили.

– Не выдумывай, Эмма! Откуда ты это взяла?

– Ой, Захар, не считай меня дурой! Конечно, ограбили. Иначе, зачем тебе махать крестом, как Буденный шашкой?

– Так это я для тебя, хотел сделать сюрприз.

– Уже сделал! Но теперь скажи – зачем тебе было лежать за прилавком?

– Поверь мне Эмма – я просто отдыхал. Вспоминал родственников, нам надо срочно позвонить Варваре!

– Это той, которая в детективном агентстве? Не жалей меня, Захар! Скажи честно – нас очень больно ограбили?

* * *

Все думали, что Савенков закроет детективное агентство «Сова» или предложит руководить кому-нибудь другому. Например – Олегу Крылову.

Все понимали, что директор «Совы» это не почетная должность. Это куча забот и обязанностей. Он хозяин, который должен вносить деньги за аренду офиса, платить налоги и выдавать зарплаты сотрудникам.

А кризис – он и в Африке кризис!

За последние месяцы поток клиентов иссяк. Не совсем, но его начало сильно лихорадит. Стали исчезать стабильные «денежные» дела и начали возникать идиотские задачи, не сулящие прибыли. Это вроде той, о которой начала рассказывать Варвара.

* * *

Они завершали очередной рабочий день.

Сыщики бегали по своим делам, а в офисе «Совы» задержался Савенков. Ему Варя Галактионова пыталась изложить легенду о купце Собакине. Но шеф все время возвращал ее к началу рассказа.

– Я так понимаю, Варвара, что заказчиком у нас выступает антиквар Рыжов?

– Не совсем так! Захар Ильич – мой очень дальний родственник. Рыжов мне позвонил вчера. Мы встретились. И он рассказал все, имея в виду, что мы сами будем решать, что дальше делать.

– Значит, что он нам не собирается платить за работу?

– Нет!

– Отлично, Варвара! Я в том смысле, что очень жаль. Обычно ювелиры – хорошие клиенты.

– Он, Игорь Михайлович, не ювелир. Он – антиквар.

– Один черт! Все равно он рядом с золотом работает. Итак, Варя, вернемся к баранам. Про рыжего посетителя я уже понял. Давай-ка еще раз легенду. Но медленно и подробно. С чувством, с толком, с расстановкой.

Получив такое указание, Варвара не стала спешить. Она включила чайник, подготовила чай-кофе, загрузила в микроволновку блюдо с пирожками и только после этого вернулась в кресло.

– Значит так, Игорь Михайлович. Это не совсем легенда.

– Это быль?

– Возможно, что так. Некоторые вещи подтверждаются документально. В начале прошлого века в Москве на Мясницкой поселился молодой богатый купец Степан Собакин. А где-то недалеко снимал квартиру адвокат Ганский. И была у него красавица-дочь Фаина. Степан встретил молодую Ганскую в своем магазине и влюбился без памяти.

– Красиво говоришь, Варвара. Пока все, как в сказке.

– И дальше так будет. Купец попытался ухаживать за девушкой. Отправлял корзины цветов на квартиру Ганских. Заказал для Фаины стихи у Блока. Во дворе под ее окнами построил веранду, куда приглашал цыган и настоящих итальянцев с серенадами. Все делал! Но Ганские стояли насмерть! Сама Фаина уже начала колебаться, а у родителей гордыня разыгралась. Типа того, что адвокат купцу не товарищ!

– Понятно, Варя. Сословные предрассудки!

– Да, так вот, Собакин решил действовать круто! На Кузнецком Мосту, совсем рядом с Мясницкой находился магазин придворного ювелира Карла Фаберже. Степан идет туда и заказывает из платины, золота и изумрудов пуделя. Намек простой. Мы, Собакины – знатная фамилия.

– Да, Варвара. Наши купцы бесшабашные! Помнишь, как Рогожин в «Идиоте»?

– Помню! Только это из другой книги, а Степан Собакин в конце мая 1908 года посылает Фаине драгоценного пуделя. В письме обещает на каждые именины дарить ей собачку другой породы. Причем – независимо от того, пойдет она за него замуж или нет.

– Очень благородно! Согласись, Варя, что это сказки! Тут такая любовь, что Шекспиру и не снилось!

– Согласна! Так вот, в 1909 году Собакин преподносит Фаине Ганской золотого дога с глазами из бриллиантов.

– Что-то вроде собаки Баскервилей?

– Да, но гораздо симпатичней, в 1910 году появился спаниель с сапфирами. Потом болонка из изумрудов, короче, Ганские сдались на пятой собаке, и в 1912 году сыграли свадьбу.

– А еще пять собак, откуда взялись? Неужели купец и после свадьбы дарил ей Фаберже?

– Представьте себе, дорогой Игорь Михайлович! Тогдашние мужчины не то, что нынешние.

* * *

Дальше начиналась очень эмоциональная часть рассказа о Степане Собакине. Варвара не могла говорить сидя. Она встала, начала ходить по кабинету и жестикулировать.

Последняя собачка – серебряный сеттер на подставке из бирюзы и рубинов. Купец подарил эту фигурку жене в мае 1917 года. А вскоре закрылась фирма Фаберже, и началось смутное время. В декабре были конфискованы товары на всех складах Собакина. К весне 1918 – разграблены его магазины и сожжена квартира на Мясницкой.

Ходили слухи о том, что Степан с Фаиной в двадцатые годы тихо жили где-то в Подмосковном городке. Оба работали на низких должностях – сторожами или конторщиками.

Но главное, что после Октябрьского переворота собачки семьи Собакиных исчезли. Их и до этого мало кто видел, а тут они вообще – как сквозь землю провалились. Редкие ювелиры, слышавшие об этой серии Фаберже, стали даже сомневаться – а были ли собачки?

– Но ты говоришь, Варвара, что это не легенда? Значит – десять собак существуют?

– Это не я говорю. Это мнение Рыжова. Он копался в архиве Фаберже и нашел счета, эскизы, описания собачек. Они точно были, Игорь Михайлович! Вы верите?

– Верю, Варвара! Но почему эти псы молчали до сих пор? Почему они за девяносто лет ни разу не гавкнули? Очень странно!

– И продавец какой-то липовый, похожий на криминальную личность. Все очень подозрительно! Но любопытно.

– Согласен, Варвара. Поскольку у нас из-за кризиса легкий простой, то давай пока раскрутим эту легенду. Правда, это будет собачья работа!

* * *

Час назад московский «Боинг» приземлился в аэропорту Шарля де Голля, называемого чаще «Ройси».

И сейчас туристический автобус уже влился во французские пробки в самом центре Парижа.

Когда наши туристы оказались на бульваре в районе площади Пигаль, то у всех возникло ощущение, что они ошиблись страной.

Это не Франция! Это Африка вперемешку с Азией.

За окнами автобуса виднелись магазинчики, лавки, киоски и просто развалы, напоподобие блошиного рынка.

Но самое главное – это местная публика. Продавцы общались с покупателями на каких-то гортанных восточных наречиях. Треть из них – лица турецкой или алжирской национальности. Треть этих новых «французов» – чистые негры. А оставшаяся треть это покупатели и зеваки – японские туристы, поляки, немцы, наши россияне и немножко настоящих парижан.

* * *

Автобус притормозил в переулочке под холмом с красивым названием Монмартр. Около часа туристы разгружались, размещались и приходили в себя после перелета из Москвы.

Маленький номер на втором этаже достался странной парочке средних лет. Еще в Шереметьево они всем сообщали, что состоят в гражданском браке – они супруги, но без штампа в паспорте!

Они и в самолете возвращались к этой теме, хотя гид клятвенно заверил, что они будут жить в одном номере. В Париже важна любовь, а не печать в документе.

Уже в гостинице парочка сообщила гиду, что у них своя программа, и поэтому они пропустят несколько экскурсий. Сопровождавший группу молодой ехидный парень подмигнул и сообщил, что Франция – свободная страна, а воздух Парижа очень способствует любым личным мероприятиям.

* * *

Когда после обеда автобус повез группу на обзорную экскурсию по Парижу, то веселые туристы начали дружно обсуждать поведение парочки. Мол, все мы стремимся осмотреть достопримечательности, а эти спешат в кровать.

Так думали все, но все ошибались!

Парочка вышла в город с картой и разговорником в руках. Еще в Москве они определили маршрут от гостиницы к парижскому филиалу аукциона Кристи.

* * *

Очевидно, что у них был план действий. Найдя это самую «Кристи», они разделились. Женщина пошла в католический собор напротив, а мужчина вошел внутрь конторы с стал что-то объяснять охраннику на хилом английском.

В офисе аукционной фирмы его сразу поняли и провели к специалисту по русскому искусству, им был потомок дворянского рода Бобринских. Русский язык он знал в совершенстве, хотя говорил с какой-то французской мелодичностью и с каким-то шармом.

Этот Бобринский сообразил, что перед ним перспективный клиент, и быстро взял его в оборот. Они уединились в шикарном кабинете для переговоров.

– Вы давно из Москвы? О, простите, мы же не познакомились. Я – Петр Сергеевич Бобринский, эксперт, ну и все прочее.

– А я – Иванов Иван Иванович.

Это был самый примитивный псевдоним. Он был шит белыми нитками, но Бобринский даже глазом не моргнул. Если человек не хочет раскрываться, то это его право. Франция – свободная страна!

– Итак, Иван Иванович, что вы хотите нам предложить? Вы намекнули, что у вас что-то ценное.

– Да, очень ценное. Я спрашивал в Москве, консультировался у специалиста, это уникальная вещь!

– И что же это такое? Вы меня заинтриговали. Показывайте скорей!

– Показать могу только фотографии, смотрите, Петр Сергеевич! Это чистый Фаберже.

Фотографии были отличного качества. Они передавали все детали шедевра, и Бобринский почти не сомневался, что это тот самый пудель из легендарной псарни Степана Собакина. Крупным планом фотограф взял клейма фирмы придворного ювелира Карла Фаберже. Петр Сергеевич присмотрелся. Он наизусть знал эти печати со всеми их дефектами и накладками.

– Да, похоже, что это подлинник! Хотя, надо держать в руках саму вещь. Сейчас и фальшивки делают изумительно.

– Это, Петр Сергеевич, подлинник. Уверяю вас! Это получено из первых рук.

– Верю! Как только получу от вас шедевр, то сразу готов оформлять договор на аукцион.

– А по какой стартовой цене?

– Думаю, что где-то около миллиона долларов, но я помню, что по слухам собак было десять. Если выставлять всю коллекцию, то я бы начал с двадцати миллионов.

– И это стартовая цена?

– Естественно! А при торгах сумма может возрасти в два или в три раза. Вот так, дорогой мой, Иван Иванович.

* * *

Бобринский волновался не меньше посетителя. Он сам, и его отец родились во Франции. Они считали себя французами, но лишь по паспорту. Как добропорядочные граждане они честно служили и были приписаны к комиссариату на улице Анжу.

Но их душа навсегда прописалась в другом месте. В том, где Пушкин, Глинка, Гоголь, Репин, Блок.

Еще во время Олимпиады 1980 года молодой Пьер Бобринский приехал в Москву, как корреспондент вечерней французской газеты. На третий день он направился на площадь Дзержинского, обогнул «Детский Мир», вышел к красивому дому, где когда-то располагалась московская фирма «Фаберже», повернул направо и через тридцать метров вошел в неприметный домик с вывеской «Приемная КГБ СССР». Он протянул прапорщику свой французский паспорт и попросил:

– Уважаемый, проведите меня к Андропову.

– Зачем это?

– Я хочу помогать России.

* * *

Это было очень давно. Его работа в Лувре, а потом на аукционах Кристи не была связана с секретами, но у него было множество контактов в высших сферах. А что еще нужно для разведчика?

* * *

Бобринскому дали кличку «Фюнес», обучили основам конспирации и определили способы связи. Встречи в Париже проводились, но редко. Обычно он выезжал в Зальцбург, где в австрийских Альпах его ждал сотрудник нашего посольства.

Эти беседы с симпатичными и умными людьми из России поддерживали в Бобринском приятное чувство, что он нужен любимой родине его предков.

За эти годы «Фюнес» составил множество отчетов о кулуарной жизни французских политиков, предотвратил несколько случаев вывоза русских икон и подвел под вербовку генерала из Генерального штаба.

Последним случаем Бобринский гордился особо! Все проходило, как в крутом боевике, но по-русски.

* * *

Задержать Ивана Ивановича Иванова он не мог. Да и зачем? Пока тот не допустил никаких криминальных действий.

Но Петр Сергеевич понимал, что драгоценности все еще находятся в России. Он не мог допустить, чтоб этот хлыщ вывез национальное достояние за рубежи Родины.

Не будет этого!

Бобринский долго прощался, соблазняя гостя огромными суммами и простотой операции по продаже.

– Но самое сложное, Иван Иванович, вывезти собак из России. На границе сейчас такие аппараты стоят, что чуют золото за версту. Многие провалились именно на этом этапе. И не просто многие, а большинство! Понятно, что об этом в газетах не пишут.

– А что же делать?

– Есть выход! У меня построен свой канал вывоза вещей из России.

– Через пограничников?

– Нет, Иван Иванович, через наше посольство в Москве. Дипломатическая почта без досмотра и всякое такое.

– Я готов, Петр Сергеевич! Сколько?

– Вы о моем гонораре? Даже и не думайте! Нет, потом, когда вещи будут проданы, я готов принять скромную сумму. Но, как благодарность, а не как оплату.

– Договорились, Петр. Я не обижу! Так что мне делать?

Бобринский жестом попросил минутку и начал копаться в своей записной книжке. Он не придумал ничего лучше, чем дать этому типу с благородной фамилией Иванов московский телефон Варвары Галактионовой.

Они встречались несколько раз – в Париже и в Москве. Это было давно, когда был жив ее муж. Во Францию они тогда приехали по липовым документам на имя супругов Дюваль.

– Вот, Иван Иванович – нашел! Смотрите сюда. И запишите себе: Дюваль Варвара и московский номер телефона. У нее, возможно, другая фамилия, но я с ней общаюсь только так. Скажите ей, что от меня, и она все сделает. А вы в каком отеле остановились?

– А я так! Я даже не в отеле, а вообще. Я достану всю коллекцию и сразу позвоню госпоже Дюваль. Через недельку или две. Спасибо вам! И не думайте – я умею помнить добро.

Посетитель активно пытался к двери, а потом выбежал из офиса аукционного дома «Кристи» и почему-то бросился в католический костел на другой стороне улицы.

* * *

Оказалось, что копаться в архивах – очень увлекательное занятие. Особенно для молодых мужчин.

Савенков поручил Олегу Крылову изучить историю семьи купцов Собакиных, живших когда-то в доме на Мясницкой улице, которая потом стала улицей Кирова, а затем снова Мясницкой. И Олег копался в архивах!

Приятным было то, что во всех архивах работали молоденькие и вполне привлекательные девушки. Охрана исторических бумаг и прочих духовных ценностей считалась почетной службой.

Многие высокие чиновники пристраивали сюда своих дочек после провалов на экзаменах в МГУ или Иняз. Пусть годик потрудятся! Это лучше, чем болтаться по клубам!

Только на третий день Олег получил кучу заказанных им дел. Тут были и отчеты Департамента полиции за 1908 год, и вырезки из газет за это время, и подборки по московскому отделению фирмы «Фаберже».

Крылов раскрыл первое дело, начал читать и вдруг на пятой странице ощутил аромат истории. Нет, конечно, и сами архивные дела имели специфический запах. Но это просто бумажная пыль, чернила царских времен и настоящие сургучные печати. А Олег почувствовал, что он окунается в ту эпоху.

Это было странное время, когда трамваи и автомобили только начинались, а сотовых телефонов и соевых сосисок не было вовсе.

Крылов получил указание найти потомков Степана Собакина. Но где их тут найдешь? Потомки появились потом! А сейчас, в 1908 году купец только начал обольщать свою любовь – Фаину Ганскую, благородную девицу из семьи адвоката. Но Олег хорошо знал странный закон сыскного дела – информация прячется в самых неожиданных местах. Она попадает там, где ее не ждешь.

А вот, где надо, то там ее никогда нет!

* * *

И Крылов искал, перекладывая дела и листая страницы. После семи вечера в огромном читальном зале кроме него осталась лишь архивная девушка и три упорных историка пенсионного возраста.

Олег знал, что дежурную девушку зовут Ирина. Они познакомились три дня назад. А вчера они сидели на лавочке во внутреннем двореке архива и курили. Беседа была очень душевной. Крылов никак не ожидал от молоденькой девицы такой откровенности. Они долго говорили про жизнь и всякое такое.

Вчера и позавчера Ирина кругами ходила вокруг Олега, привлекая к себе внимание. Они несколько раз выходили на крыльцо покурить. Они весело трепались, но ничего больше.

А сегодня читальный зал работал до десяти, и она дежурила! В половине восьмого Ирина подошла и предложила покурить. Олег, естественно согласился.

Они не остановились на крыльце. Девушка пошла в заросший кустами внутренний дворик. Она углубилась в самую дальнюю часть садика – между глухим забором и стеной старого здания. Отсюда не было видно окон соседних домов и входа в читальный зал, а удобная лавочка здесь была!

Ирина села на край, оставляя место Крылову.

Он тоже сел, а что оставалось делать?

Первую минуту курили молча. Потом Ирина начала разговор дрожащим голосом. Было ясно, что она хочет сказать что-то очень важное.

– Олег, у меня к вам два вопроса.

– Говори, Ирочка! Какие проблемы? Отвечу, как на духу. Только не надо ко мне на «ВЫ». Мы же вчера еще договорились.

– Да, договорились. Олег. У меня к тебе два вопроса. Один личный, а второй деловой.

– Начинай с личного. Деловые вопросы, Ирина, будем решать в другой обстановке.

– Хорошо! Мне никогда в жизни не везло. Меня все считают уродкой, и никто не обращает внимания, вот и сейчас у меня полный провал!

– А что такое?

– А то, Олег, что я уже три дня, как в тебя влюбилась. Я кручусь перед тобой, а ты ноль внимания. Это почему так? А потому, что никто на меня не обращает внимания. И правильно! Я недостойна! Мне уже восемнадцать, а я выгляжу, как простушка из захолустья.

Крылову показалось, что Ирина собирается плакать. Она, конечно, глупышка! Но какая она простушка?

Просто у них молодых паника в душе и комплексы. Просто у них гормоны играют, а мелодии там громкие и невнятные.

Переходный возраст!

* * *

Олег подвинулся поближе, собираясь утешить. Он подбирал простые ласковые слова.

– Какая же ты простушка? Ты очень привлекательная. Ты очень симпатичная. Нет, ты – красавица!

Ирина тоже подвинулась поближе и положила голову ему на плечо, рука Крылова лежала на бортике скамейки. Ему ничего не оставалось, как обнять ее за плечо и продолжить успокоительную беседу.

– У тебя все еще впереди. Ты, Иринушка, достойна внимания и любви, через год-два появится твой принц, и будет у вас, как в сказке!

– Возможно, что ты и прав, но это так долго ждать! А сейчас я только тебя люблю.

Ирина второй рукой взяла Крылова за плечо и развернула к себе. Одновременно с этим она откинула голову, зажмурилась и чуть приоткрыла губы. Она явно ждала от него каких-то действий, и ему пришлось подчиниться.

У него просто не было другого выхода!

* * *

Только через час, когда они вернулись в читальный зал, Олег узнал о втором вопросе Ирины. Это действительно был деловой вопрос, но он касался Крылова, поскольку затрагивал семью купца Собакина.

Добрая Ирина, узнав три дня назад о поисках Олега, решила ему помочь. Через внутренние картотеки в хранилищах она вышла на любопытную бумажку из фонда «Общества друзей воздушного флота». Это был протокол общего собрания подмосковной ячейки.

* * *

Дело было в 1933 году.

В Мытищах проходили выборы секретаря местной организации этого самого ОДВФ. На высокую должность народ предложил Степана Собакина. Собравшиеся были «за», но областной чекист раскрыл людям глаза. Оказалось, что Собакин не имеет пролетарского происхождения он – бывший купец! Далее – в двадцатом году этого недобитого буржуя посадили на два года за укрывательство каких-то ценностей. И еще – он друг иностранного агента Карла Фаберже!

Понятно, что Собакина не выбрали секретарем ячейки Общества друзей флота, но в этом протоколе Крылов нашел две любопытных детали.

Прежде всего, кто-то сказал, что у бывшего купца есть жена по имени Фаина и трехлетний сын. Но самое главное – в документе был адрес дома Собакиных в Мытищах.

Уже в своей квартире, засыпая, Олег представил крепкий кирпичный особняк купца, лестницу на чердак и сундук, в котором мирно лежат собачки – все десять штук!

* * *

На всякий случай, Бобринский петлял по Парижу, оглядываясь и проверяясь. Слежки он не заметил. И не потому, что смотрел не очень внимательно. Хвоста и на самом деле не было.

Он сел в куцее парижское метро и поехал на север, на конечную станцию подальше от центра.

Бобринский долго искал телефон-автомат в укромном уголке, где нет свидетелей. Он набрал особый номер посольства России.

Петр Сергеевич попытался изменить голос, изображая старичка из уральской деревни: – Послушай, дорогой, там нет Марка Семеновича? Нет? Так ты передай, что это звонил Фома.

Псевдоним Бобринского был «Фюнес», но в таких случаях, когда телефон наверняка прослушивала французская контрразведка, он придумывал себе другие клички, но все имена начинались на «Ф» – Федор, Фаддей, Фока, Филипп. И вот сегодня – Фома.

– Запомнил, милоч? Я с Урала. Мы вчера из Амстердаму приехали. Я – Фома Петрович. Ты передай, что джинсы для его друзей я купил. Как буду в Москве, так передам! Ты запиши размеры, пусть он проверит. Пиши: 34, 65, 98, 78, 39...

Бобринский около минуты передавал свою шифровку. Потом поспешно вышел на бульвар и поймал такси.

* * *

Марк Семенович, которого на самом деле звали Максим, не любил эту игру с шифровками по телефону. Он давно предлагал агенту «Фюнесу» современную технику, когда информация выстреливает в одно мгновение и невозможно засечь даже сам факт передачи. Но Бобринский был романтиком и консерватором.

Одно слово – антиквар!

Расшифровка не заняла много времени. «Фюнес» требовал срочной встречи. Завтра в шесть вечера на второй точке. Это значит – в универмаге «Галереи Лафайет», в отделе верхней одежды.

Максим приготовился к сложному разговору с Бобринским. Агентурная встреча – это не прогулка с женой. Тут для прикрытия придется задействовать пять-шесть сотрудников и их жен.

Впрочем, всем будет весело! Завтра наружное наблюдение около посольства встанет на уши. Мы им устроим карнавал в Версале!

* * *

Уже второй день синий «Рено» Крылова стоял на приколе. Приятель из автосервиса обещал быстро поставить машину на колеса. «Вылечу ее быстро, как от насморка». А это значит, что неделю автомобиль будет чихать и кашлять. На таком можно доехать до булочной. А в Малаховку на нем не поедешь.

Но хорошо, когда работаешь не один, а в здоровом коллективе, где дружба и взаимопомощь. Любой поможет!

Для Крылова первым встречным оказалась Варвара.

– Послушай, Галактионова. Кто заварил кашу с купцом Собакиным? Я или ты?

– Я, но...

– Хорошо, что создалась, теперь второй вопрос: почему всех собак на меня спустили?

И все шишки – на меня!

– Какие шишки?

– Объясняю. Я уже почти нашел псарню Фаберже. Но надо ехать в Подмоскovie, а мой конь захромал. Не на электричке же мне пилить за сокровищами. Помогите, Варвара!

– В Малаховку поедет?

– А ты откуда знаешь?

– Так за эти три дня, Олег, я не только баклуши била. Я кое-что узнала. Но только в Малаховке драгоценностей нет. В двадцатом году в доме Собакиных три обыска прошло. Один до ареста и два потом.

– Ясно, Варя, а я губки раскатал! Но ехать надо все равно! Там мог кто-нибудь из родственников остаться. Я точно знаю, что в тридцать третьем году у Степана был малолетний сын. Вдруг он еще жив?

* * *

Они два часа добирались до Малаховки. По дороге каждый успел сообщить всю полученную информацию. Потом пытались построить версии. Но обрывки сведений не складывались в стройную картинку.

Да, в Малаховке чекисты провели три обыска!

Но это не значит, что коллекции там нет. Она может быть в сарае на чердаке, или замурована в кирпичную кладку дома, или закопана на клумбе, в огороде, в саду под яблоней.

* * *

Ясно, что в Малаховке дом купца был. И об этом все знали!

В поисках нужной улицы Варвара притормозила на перекрестке. Там на углу стояли три девушки, которые по одежде и манерам были похожи на местных жителей.

Олег выскочил из красного «Лексуса» и направился к подружкам. На его голос девушки сразу развернулись, приняли выгодные позы и засветились игривыми улыбками.

– Здравствуйте, красавицы!

– Приветик!

– Вы москвички или здешние?

– Мы малаховские! Разве не видно?

– Очень даже видно, в Москве сейчас одни уродки. Приезжие всю породу испортили!

Нет таких форм, задора, огонька в глазах.

– А у нас как?

– У вас все на месте! И фигурки, и одежда, и лицо, и мысли.

Такой треп Олег мог бы продолжать долго. Но рядом в «Лексусе» сидела Варвара. Сидела и ждала конкретного результата.

– Вот сразу видно, что вы не только красавицы, но и умницы!

– Да, мы такие! Совсем даже не дуры.

– И вы все обо всем знаете?

– Про то, что вас интересует – точно знаем!

– Тогда скажите мне, где дом Собакиных?

– Ой, а вы на похороны? Тогда вы опоздали. Академик уже давно, как умер.

- Какой такой академик?
- Академик Собакин Трофим Степанович...

* * *

«Фюнес» назначил встречу на шесть вечера, а в посольстве начали операцию на два часа раньше.

Ровно в четыре распахнулись ворота, и с дипломатического двора выехало черное «Шевроле». Это была машина резидента, и за рулем был он сам.

Возле нашего посольства дежурили две бригады наружного наблюдения. И, хотя французы не немцы, но и у них есть понятие о дисциплине. По инструкции они должны были в обязательном порядке вести главного русского разведчика.

И естественно, что первая бригада снялась и последовала за «Шевроле».

Ворота посольства закрылись, но не навсегда.

Через пять минут они опять распахнулись и на бульвар начали медленно выезжать одинаковые серые «Мерседесы». Один повернул направо, второй и третий налево, а четвертый с нарушением правил пересек пустынную улицу и скрылся в переулке, что напротив посольства.

Майор из французской «наружки» волновался, но не злился. Он любил красивую игру. Это напоминало покер!

«Русские блефуют и поставляют для слежки четвертую машину. А я не поверю и поеду за первой».

Максим с женой выехал на второй машине, ему сразу сообщили, что пока он без хвоста. Но могла начаться паника, и французы могли сорвать резервные бригады с соседних участков. На это нужно время, но не очень большое. Пять-шесть минут.

Через три минуты Макс въехал в просторный двор, где в разных углах стояло три машины. Они с женой оставили «Мерседес» и пересели в голубой «Опель», который оставил здесь перед отпуском третий секретарь посольства Леха Фокин.

Максим снова влился в поток на парижских улицах, но теперь он был совершенно спокоен.

Однако оставшееся до встречи с агентом время следовало потратить с умом. У него было десять удачных трасс для выявления слежки. Там, где можно было круто развернуться или проскочить проходным двором. Макс проехал по трем маршрутам, но все было чисто.

Хвост отсутствовал!

* * *

Без пяти шесть Максим с женой зашел в универмаг «Галереи Лафайет»...

Это был явный дворец торговли! Это не ГУМ, не ЦУМ и даже не Детский Мир. Это нечто среднее между Большим театром и Алмазным фондом. Все сверкает, звенит и пахнет!

Одна из завлекательных хитростей магазина – продавщицы. Они все красавицы и полиглотки. Кроме французского они могут вас обслужить на английском и немецком. А улыбаются они по-русски – искренне и скромно...

Макс повел жену наверх, в отдел верхней одежды.

Вчера они заглядывали сюда и присмотрели дорогой костюм в комплекте с брюками и юбкой. Это самый удобный вариант, предполагавший длительную примерку.

Сначала в боковую примерочную кабину зашла жена. А ровно в шесть она выглянула и позвала мужа: «Дорогой! Помоги мне застегнуть юбку. Что-то у меня молния застряла».

Фраза была не самая лучшая, но здесь по-русски понимал только Макс, он смущенно улыбнулся, подмигнул продавщицам и нырнул за штору.

Супруги о чем-то говорили, создавая звуковой фон, но Максим работал. Он присел и на задней стенке сбоку от зеркала приподнял ткань. Кто-то в смежном отделе, в мужской примерочной проделал тоже самое.

В проеме на высоте «ниже пояса» появилась голова «Фюнеса». Он протянул отчет на трех листах и стал шепотом пересказывать Максу всю историю о посетителе, о собаках и купце Собакине.

Пытаясь заглушить этот шепот, жена начала громко восхищаться достоинствами юбки: «Нет, ты посмотри, дорогой! Вот сюда, на линию бедер. Это волшебная юбка! Она делает меня худее на три размера. А ноги кажутся стройнее и длиннее. Я права, Макс? Я несу всякую чушь, а ты даже не смотришь».

Через минуту они вышли из примерочной. Максим расплатился, и они покинули отдел женской верхней одежды, почти одновременно с новым плащом в руках из другого отдела вышел господин Бобринский. Он был весел и немного суетился. Его фигура, походка и ужимки чем-то напоминали артиста Луи Де Фюнеса.

* * *

К семи часам к посольству вернулись все – и черный «Шевроле» резидента, и четыре серых «Мерседеса», и обе бригады французского наружного наблюдения.

В семь двадцать резидент пригласил Максима в «кубрик» и выслушал его отчет. А в семь двадцать пять Макс уже получал от шефа разнос.

– С агентурой надо уметь работать! И нельзя держать на связи лишь бы кого. Нет, я понимаю, когда агентесса – любовница министра. Или наш источник сидит в штабе НАТО. Это нормально! А агент в антикварном аукционе – это нонсенс! Это – комедия! Одно слово – «Фюнес»...

– Но не я его вербовал.

– Не ты, а когда брал на связь, то о чем думал? Мог бы сразу исключить. Или заморозить. Вот, что мне прикажешь в Центр сообщать? Про странного незнакомца в офисе «Кристи»? Про фотографии пуделя? Про легенду о купце Петре и его жене Фаине? Что молчишь?

– А не надо ничего сообщать.

– Это как так? Не толкай меня, Макс, на обман руководства. Мне через месяц полковника получать.

Последние слова резидент произнес шепотом. Он даже на всякий случай оглядел помещение. Хотя смотреть здесь было не на что. Они общались в «кубрике», где из мебели был только большой стол и десять стульев. Больше ничего – ни окон, ни шкафов, ни тумбочки с графином.

«Кубрик» – кабинет для секретных переговоров. Под полом, потолком и обоями были сварные стальные листы в несколько слоев. Полная гарантия от прослушки! Правда, это была гарантия от французов. А наши хитрецы могут сотворить что угодно.

Резидент еще раз осмотрел голые стены и вздохнул.

– Я, Макс, никак не могу обманывать начальство. Хотел бы, но не могу! Такие у меня принципы.

– Так и нет никакого обмана. Я опишу встречу с «Фюнесом», как контрольную явку, как проверку связи. И в конце укажу, что дано задание доверенному лицу в Москве.

– Какому такому лицу? Кому конкретно?

– Варваре Галактионовой. Она когда-то здесь с мужем работала.

– Помню. Ты прав, Макс. Если незнакомец не позвонит Варваре, то и говорить не о чем. А позвонит, то пусть сама решает, что делать. Можно связаться с ФСБ, с таможней или, в крайнем случае, с ментами. Там, в Москве, все проще. Там наша земля!

* * *

Савенков назначил совещание на семь вечера, обычно он проводил оперативки утром. Но сегодня Варвара настояла на полном сборе в конце рабочего дня. Она намекнула, что у нее будет важное сообщение по делу Собакина.

К началу совещания все знали, кто задержал их до восьмого часа. И все смотрели на Варвару недоверчиво. Если она и нашла информацию по купцу, то могла бы сообщить о ней пораньше. Или завтра утром.

Жили эти собаки девяносто лет, и еще ночку поживут!

* * *

Савенков специально не торопил события. Он предложил первым отчитаться Крылову.

Олегу хватило одной минуты. Он сообщил, что дом Собакиных в Малаховке стоит, что его обыскивали чекисты, но собачек Фаберже не нашли. В последние годы владельцем «усадьбы» был сын купца – академик Трофим Степанович Собакин. А неделю назад старый ученый умер. И не здесь в Малаховке, а на своей квартире, в престижном доме на площади Гагарина.

– Вот и весь доклад, Игорь Михайлович. Завтра поеду в Академию наук. Узнаю про родственников академика. Попробую проникнуть в его квартиру.

– Что значит «проникнуть»? Авантюры мне не нужны! Не делай глупостей, Крылов.

– Не буду! Я имел в виду посетить квартиру покойного вместе со следователем или с детьми академика, если таковые есть. Миша Марфин смотрел на докладчика с сожалением. Он, как поклонник Интернета, не мог терпеть бесполезной беготни оперативников. Зачем добывать информацию долго, когда это можно сделать быстро?

И Михаил решил вклиниться в разговор.

– Простите, Игорь Михайлович, но я хотел сообщить Крылову, что дети у академика Собакина есть! Их двое – сын Иосиф и дочь Софья.

– Откуда знаешь?

– Я не одессит, но отвечу вопросом на вопрос. А ты, Олег, в каком веке живешь? В двадцатом? А я в двадцать первом! Мне достаточно включить компьютер, выйти в Интернет, набрать слово и нажать клавишу на мышке. Вот держи адреса детей. Иосиф Трофимович пятидесятого года и Софья пятьдесят восьмого. Все жили рядом, но отдельно.

– Тогда так, Миша! Раз ты человек двадцать первого века, то скажи – а есть дети у детей академика?

– У Иосифа уже внуки есть. А Софья Трофимовна, по моим сведениям, старая дева. В ЗАГСе на нее чисто, фамилию она не меняла, к себе в квартиру никого не прописывала.

– Не совсем так, Миша. «Старая дева» – это такое, понимаешь, понятие...

Савенков, чувствуя, что совещание превращается в разговорню, встал и решительным жестом прекратил спор.

– Все, закрыли этот вопрос! Нам надо всем учиться у Марфина. Интернет – великая сила! Конечно, если очень надо куда-то поехать, то надо. А если не надо, то зачем?

Савенков замолчал, но красноречивыми жестами подтвердил, что действовать надо на современном уровне, совершенствуя стиль и методы работы.

Потом шеф перешел к самому главному на сегодняшний вечер – к заявлению Варвары.

– А теперь послушаем госпожу Галактионову! Собственно говоря, это Варвара нас здесь собрала. Она сказала, что у нее есть сенсация по делу Собакина. Прошу!

Варя встала и попыталась жестом усадить Савенкова.

– Вы садитесь. А я буду говорить стоя. Это действительно очень важно. Вот вы, Игорь Михайлович, вы верите в фатальные совпадения?

– В фатальные – не верю! А если вообще, то совпадения бывают. Только ты, Варвара, давай без предисловий. Самую суть излагай. Пришла и говори!

– Да, я самую суть скажу. Сегодня днем я встречалась с оперативником, прилетевшим из Парижа. Если совсем коротко, то мне может позвонить преступник, который был у антиквара Рыжова. Он попросит помочь ему в контрабанде.

– В какой контрабанде?

– Я должна помочь ему вывезти во Францию всю коллекцию собак Собакина.

* * *

Прямо в ходе совещания Савенков написал план мероприятий по поиску сокровищ Фаберже. Два раздела касались антиквара Рыжова. Возле них была пометка «Срочно».

И ответственных за эти пункты было двое – Марфин и Крылов. Они должны были посетить магазин «Эмират», установить скрытую камеру видео наблюдения и составить вместе с антикваром композиционный портрет – фоторобот человека, пришедшего с пуделем.

Все это ребята собирались сделать завтра утром. Но они опоздали!

* * *

Совещание в «Сове» еще шло, когда Захар Ильич Рыжов начал готовить свой магазин к закрытию.

За весь день он продал всего три вещи. Но это было днем. А к вечеру переулочек вообще вымер. Где-то в ста метрах на карнавальном Арбате гуляли толпы. Но никто не хотел сворачивать с магистрального пути! Все упорно шли от бульвара к Садовому кольцу или, наоборот – от Смоленской площади к Кремлю.

Антиквар позвонил жене и намекнул, что сегодня есть шанс поужинать не дома, а в маленьком ресторанчике на Якиманке. Эмма Исаковна и сама готовила отлично, но тут дело не в еде, а в особой атмосфере. Когда проводишь вечер в шикарном заведении, то чувствуешь, что жизнь удалась.

Предложение мужа не было для нее сюрпризом. Она уже была одета и ждала сигнала. Оставалось только закрыть квартиру и спуститься вниз.

А Рыжов начал прятать в сейф золото и разные дорогие мелочи.

И тут вошел он!

Антиквар обернулся на звон колокольчика и сразу его узнал. Это был тот незнакомец, который приходил с пуделем. Одежда у этого была другая, появились пышные усы с бородой, другие очки, другой парик.

Все другое! Но это был он.

По глазам незнакомца Захар Ильич понял, что гость настроен решительно. И понятно! Антиквар – лишний свидетель. Таких обычно убирают в первую очередь.

Посетитель был в зимних кожаных перчатках. Это еще больше испугало Рыжова. Он попытался в угол, нащупывая на полках какое-нибудь оружие для обороны. Но под руку попадались лишь вазы и другие фарфоровые изделия. Некоторые из них начали падать на пол, издавая мелодичный звон и разбрасывая осколки.

Когда антиквар уперся спиной в стену, посетитель вытащил молоток и замахнулся.

Было видно, что оба соперника не были профессионалами в таких делах. Жертва чуть отклонилась, а у нападавшего дрогнула рука. Короче – удар не достиг черепа. Он прошел по касательной, разбив бровь и порвав ухо. Крови много, но клиент был пока жив и оставался в здравом уме и сносной памяти.

Противники на три секунды замерли. Они грозно смотрели друг на друга и нервно дышали.

Потом вдруг антиквар вскрикнул, взмахнул рукой и посмотрел куда-то вдаль, далеко за спину нападавшего.

Лохматый гость еще раз взмахнул молотком, но как-то вяло и неуверенно. Взгляд раненого антиквара четко говорил, что где-то у двери есть еще человек.

Незнакомец резко обернулся и, как оказалось, вовремя, прямо за ним стояла женщина с перекошенным лицом. Она пыталась снять со стены алебарду – увесистый топорик времен Ивана Грозного. Еще секунда, и гость получил бы удар под ребро.

Он бросил молоток, ударил ногой Рыжова и рванулся к выходу, отпихивая Эмму Исаковну. Но та вцепилась в него, пытаясь дотянуться до лица.

После легкой потасовки нападавший убежал. Он не был спортсменом, но был моложе Эммы Исаковны и сильнее ее.

Госпожа Рыжова подползла к мужу:

– Захар, ты еще живой? Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Только я волнуюсь – почему этот тип с пуделем опять к нам пришел?

– Не волнуйся, Захар, больше он не придет. Он меня испугался.

– Согласен, Эмма. Я – единственный, кто тебя не боится! Послушай, родная, позвони Варваре. Пусть она уже приведет сюда своих сыщиков.

Эмма Исаковна дотянулась до телефона и набрала номер.

– Это Варвара? Так вот слушай! Все случилось, как я и думала. Бандит пришел еще раз, но уже без собачки. Вместо пуделя у него был молоток. Он пришел и почти убил моего мужа. Нет, не надо никакой полиции! Захар не хочет. Конечно, он живой! Но вся голова разбита вдребезги! Приезжай! Я оторвала у бандита часть тела. Нет, не эту! У меня в руках его усы!

* * *

Улица Шаболовка, это не центр Москвы, но и не задворки. Иосиф Собакин жил в старом доме, в квартире, которую когда-то получил его отец – тогда еще профессор Трофим Собакин.

Когда отец стал академиком, он переехал в новый дом на площади Гагарина, а эта квартира в кирпичной пятиэтажке осталась его детям – Иосифу и Софье.

Потом, уже в начале перестройки Софья собралась выйти замуж. И академик Собакин выбил для любимой дочке квартиру на Донской улице. Но со свадьбой что-то не сложилось, и обиженная на всех мужчин Софья Трофимовна стала жить одна, изредка навещая отца и брата. Оба жили близко от нее – десять минут пешком.

* * *

Варвара не стала скрывать, что она сотрудник детективного агентства. Врать можно, но кому-то другому.

Внучка купца не может не знать про эту красивую историю. Сначала страстный роман с подарками от Фаберже, потом очень яркая любовь Степана и Фаины, а в конце – пожар революции.

Нет, врать Софье Трофимовне не надо. Можно не все ей говорить.

* * *

Они созвонились заранее, и хозяйка встречала Варвару, как дорогого гостя. Она накрыла стол со свечами, с фамильным серебром и с вином в хрустальном графине.

– Я понимаю, Варя, что у вас какое-то дело, но я так люблю гостей. А они ко мне редко ходят.

– А ваш брат?

– Осип? Это единственный, кто приходит. Но только раз в год – на мой день рождения. Давайте, Варя, посидим, поболтаем, а уж потом о делах.

Софье Трофимовне недавно исполнилось шестьдесят. Она числилась редактором в издательстве, но работала на дому, пересылая результаты по электронной почте.

Обстановку в квартире можно характеризовать одним словом – эклектика. Или дикое смешение разных стилей и эпох.

В гостиной вдоль стены стоял кожаный диван с круглыми подлокотниками, с высокой деревянной спинкой, с узким зеркалом и полочкой наверху. Эта вещь из сталинских времен.

Ближе к окну – массивный буфет от эпохи Николая Второго.

У двери югославские книжные шкафы – это начало семидесятых, стиль раннего Брежневца.

Компьютерный столик и электроника на нем – это наше время.

Только от Хрущева ничего не осталось. Его мебель была хилой, куцей и на тонких ножках. Уже все развалилось!

Варвара начала разговор с буфета. Она предположила, что эта вещь досталась хозяйке от дедов-прадедов.

– Угадали, Варя! Мой дедушка был купец первой гильдии. По нашим временам – это, как владелец сети супермаркетов. И имя у него было красивое – Степан Елисеевич.

– А Елисеевский магазин, это не его?

– Нет, Варя. Это из другой оперы, у деда были магазины на Мясницкой, на Балчуге, в Зарядье, в Марьиной роще. И квартира у нас была на Мясницкой, там, где Банковский переулок выходит на Кривоколенный.

– Значит, буфет оттуда?

– Нет, Варя. В смутные времена городскую квартиру разграбили. А буфет – из дачной мебели. У нас сохранился домик в Малаховке. Вы, Варвара, сказали, что вы из детективного агентства. Значит, вы юрист?

– Нет, я – сыщик.

– Неважно! Я прошу помочь мне. Недавно умер мой отец. Нотариус сегодня позвонил и сказал, что в пятницу собирает всех по поводу завещания. А я в этих тонкостях не разбираюсь. Мне бы наш дом в Малаховке получить.

– А есть еще наследники?

– Есть! Мой брат Осип Собакин. Иосиф Трофимович.

* * *

Хозяин указал Олегу на кресло, а сам сел на диван.

– Вы считаете, Олег, что у меня странное имя?

– Нет, нормальное имя.

– Нет, я вижу, что вы так считаете! Я, молодой человек, родился при Сталине! И мой отец тогда только начинал карьеру ученого. А дед был буржуй – бывший купец Первой гильдии. Вот и пришлось отцу проявить лояльность – назвать меня именем вождя.

Иосиф Трофимович гордо посмотрел на Крылова, закинул ногу на ногу и взял со стола трубку с длинным мундштуком. Он был в домашнем халате и пушистых тапочках. Если бы не тельняшка, то Собакин был бы похож сейчас на помещика. Что-то среднее между Ноздревым и Маниловым.

– Вот такая моя судьба, молодой человек! Сейчас опять буржуи у власти, но я теперь пролетарий. Дед умер давно, отец недавно, а их внуки продолжают жить в этом бардаке.

Собакин, наконец, раскурил трубку, и комната наполнилась «чарующим ароматом» табака и вишневого косточки.

Иосиф Трофимович, изображая полное наслаждение, откинулся на диванную спинку и зажмурил глаза.

Используя паузу, Крылов решил осмотреть комнату, которая выполняла роль гостиной. Если честно, то Олег имел слабую надежду увидеть на одной из полок всю псарню Фаберже.

А почему бы и нет?

Действительно! Собакины прятали драгоценности при тоталитарном режиме, а при Ельцине они выкопали псов и поставили их на полку.

Если так, то, кто тогда чуть не убил антиквара Рыжова? И кто ездил в Париж, планируя контрабанду коллекции из России?

Даже беглый осмотр жилища убеждал, что драгоценные собачки здесь и не ночевали! Уж если сравнивать Иосифа с помещиками, то, судя по квартире, это был Плюшкин вместе с Коробочкой.

Нет, понятно, что жена Собакина уже месяц жила на даче. Понятно, что у холостяков бывает в доме беспорядок. Но не до такой же степени!

Во всех шкафах, на всех полках, столах, стульях и прочих горизонтальных поверхностях лежали кучи мелких предметов быта. Носки, чашки, ремни, баночки, упаковки сухарей, платочки и очки.

Шедевры Фаберже тоже могли бы быть здесь, но найти их невозможно. Надо слишком глубоко копать!

– Так вы сказали, Олег, что вы частный детектив?

– Да! Вот моя визитная карточка. Агентство «Сова».

– Я пока не знаю, зачем я вам нужен, но вот вы мне очень нужны. Прямо сказать – зверь бежит на ловца!

– А что такое, Иосиф Трофимович? Рад буду вам помочь.

Собакин в последний раз затянулся вишневым дымом и начал длинный рассказ.

Отцу Иосифа на момент смерти было далеко за семьдесят пять. Возраст не самый преклонный, но никак не молодой.

Все знали, что академик Собакин всю жизнь любил молоденьких женщин. Не девушек, которые кроме денег ничего не чувствуют. А таких – от тридцати до сорока! Тех, которые уже многое понимают в этом деле, но еще не начали стареть.

Иосиф Собакин знал за отцом эту слабость и сам охотно шалил по женской части. Но он думал, что, когда человеку под восемьдесят, то все желания отсыхают сами собой!

Он ошибался!

За два месяца до смерти соседи академика заметили, что в поликлинике появилась новая участковая, которая зачастила в квартиру Трофима Степановича.

Соседи в шутку намекнули об этом Иосифу, а тот мимоходом спросил у отца: «Это кто, батя? Твоя новая любовь? Говорят, что хороша собой».

Совершенно добрый и милый вопрос! Без всяких задних мыслей. Но старый академик, как с цепи сорвался. Стал шаркать по комнате, размахивать здоровой рукой и кричать на сына, который, как Красная шапочка, пришел навестить родителя и принес продовольственную корзину.

А кричал Трофим Степанович следующее: «Если ты ее не видел, то молчи! Ты через два десятка поймешь, что с возрастом чувства только крепчают»!

Тогда, месяц назад Иосиф Степанович не придал значения разговору. Ну, побазарили немного и успокоились. Но после смерти отца соседи ехидно напомнили о наследстве: «Так вам с Софьей все досталось или той врачихе что-то перепало? Не упустите момент, Иосиф! У этой стервы очень хваткая рожа».

А вчера позвонил нотариус Гриневский. Он сказал, что завещание академика хранится у него, и в пятницу он его официально огласит.

– Олег, я вас прошу – пойдем вместе. Вы поможете мне, как мой консультант, как доверенное лицо. Я оплачу ваши услуги, но только потом, когда наследство получу. Или бесплатно помогите, как друг семьи.

– Какой я друг. Мы только сегодня познакомились.

– Не важно! Вот прямо сейчас я назначаю вас другом семьи. Вы согласны, Олег?

– Согласен, Иосиф Трофимович, а вы слышали о фигурках, которые Фаберже делал для вашей бабушки?

– Для Фаины? Слышал я эту легенду!

* * *

Собакин попытался раскурить погасшую трубку. Но руки его дрожали, и он никак не мог справиться со спичками – они ломались или сразу гасли от резкого движения, Иосиф повернулся к тумбочке и начал копаться в грудe разных вещей. Наконец на дне кучи «мусора» он нашел зажигалку, но охота курить уже пропала.

– Слышал я, Олег, эту легенду. Или не легенду, а быль. Может быть и так! Даже точно, что так. Когда была еще жива бабка Фаина, я был у нее в Малаховке и видел там пуделя с блестящими глазами. Я даже играл с этой собачкой.

– И что потом?

– А ничего! Фигурку от меня спрятали, и этого пса я больше не видел. Но я помню, как бабка прошептала мне...

Собакин резко встал, запахнул халат, осмотрелся, подошел к Олегу и произнес тихо, прямо в ухо:

– Она мне сказала: «Не торопись. В свое время узнаешь и про пуделя, и про его братьев. Ты будешь очень богатым».

* * *

Последние три недели нотариус Гриневский ходил по лезвию. До вчерашнего вечера он очень волновался и вел себя осторожно. Феликс надеялся, что все само рассосется.

Не рассосалось!

Вчера нотариус возвращался домой поздно. В полной темноте он припарковал свой синий «Лексус» за кустами сирени. Было удивительно, что ближайший фонарь не горел. Еще вчера он светил, а тут как-то неожиданно сдох.

Место было знакомое, и Феликс Олегович поставил машину на ощупь.

Он уже открыл дверцу «Лексуса» и хотел выходить, но темная фигура вдруг выплыла из куста сирени, схватила его за руку и выдернула из машины, Феликс хотел высказать свое

возмущение, но опять не успел. Еще одна тень появилась слева, обняла за плечо и прошептала обидные слова:

– Ку-ку, Гриня! Лучше молчи, или придется сделать тебе больно! В квартире кто-то есть?

– Я не понимаю! Это вы, Харитонов?

– Это я! Так в квартире пусто или как?

– Сейчас в квартире никого нет. Но мы так не договаривались! Это возмутительно! Это не по понятиям!

– Пошли уже, урка. Дома у тебя посидим, как люди, побазарим. Устали мы тебя ждать.

* * *

Гринеvский надеялся, что Харитонову возразит Марк Ситник. Он тоже бандит, но постарше, поумнее и поинтеллигентней.

Но Ситник молчал и даже грубо пихнул нотариуса в сторону подъезда.

Гринеvский шел, подчиняясь силе, он надеялся, что у лифта появятся соседи, а бандиты убегут, опасаясь свидетелей.

Но все соседи, как повымерли!

Вот когда не надо, то они везде толпятся и галдят во все глотки. А когда тебя убивают – они спят без задних ног.

Нотариуса пока не убивали. Хотели бы убить – пристукнули у кустов сирени. А раз оставили в живых, значит, хотят поговорить.

Феликс Олегович своими ключами открыл все три замка, и вяло улыбнулся, приглашая гостей:

– Проходите. Но, простите – у меня не убрано.

– Ничего. После нас – еще хуже будет.

* * *

В какой-то момент Гринеvский искренне поверил, что у них будет беседа. Пусть жесткий, пусть базарный, но разговор, а не мордобой.

Нотариус расслабился и не заметил удара. Он не понял, как от руки Яши Харитонova получил удар в челюсть.

Феликс на время потерял сознание и начал падать, хватаясь руками за воздух.

Очнувшись Гринеvский в центре комнаты. Он сидел на стуле и не мог пошевелиться, поскольку был привязан обрывками зелено-голубой простыни.

Нет, это свинство!

Мало того, что бандиты отправили его в нокаут, так они еще рылись в его белье и разорвали любимую простынку с морем, пальмами и облачками.

– Не ожидал я от вас, ребята! Марк, мы же договаривались, как деловые люди. Почти, как джентльмены!

– Красиво говоришь, Гриня. Мы и вправду не так договаривались.

– Ах, так вы о деньгах? Я заплачу!

– Когда?

– Через три дня!

– А ты обещал три дня назад. Так?

– Так!

– Мы для тебя сейф на даче вскрыли? Так?

– Так!

– Что было внутри – принесли? Принесли! Где бабки! За такие дела мы и опустить можем. Чтоб завтра вся сумма была! Пойдем, Яша. Пусть клиент посидит и подумает. И они на самом деле ушли, захлопнув за собой дверь. Гриневский хотел крикнуть им вслед, хотел попросить развязать, но передумал. Не буди лихо, пока оно тихо! Ушли, и ушли!

* * *

Нотариус дотянулся ногами до пола и приподнялся. Он стоял в раскоряку, как черепаха со стулом на спине.

Потом он пошел! Ноги были связаны у колен, и шаги были куцые, а походка вразвалочку.

Он направлялся на кухню, где на столе разбросаны острые ножи.

* * *

Только через час он разрезал все веревки!

Потом Феликс выпил стакан водки и пошел в душ. Надо срочно отмыться от контактов с бандитами и спать. Завтра много работы.

Главное – завтра надо добыть деньги для этих уродов. Иначе – опять к стулу привяжут. Или, как обещали, куда-нибудь опустят.

* * *

Это в американских фильмах офис юриста – дворец. А у Феликса Олеговича была контора в здании строительного треста.

В шумном холле слева от вахтера красовалась желтая дверь, справа от которой вывеска – «Нотариус Ф.О.Гриневский».

Многие нотариусы живут припеваючи. И основные доходы они получают не за копии свидетельств о рождении, браке и смерти. Их денежки – бумаги крупного бизнеса за услуги рейдерам и мошенникам.

А вот Гриневскому не повезло. Что-то он получал от соседей-строителей, что-то от честных граждан, что-то от залетных южан.

Но это крохи! Жить можно, но как?..

* * *

Трофима Степановича Собакина нотариус знал пять лет. Гриневский был для старика доверенным лицом. Что-то вроде домашнего юриста. Раньше они встречались очень редко, а за месяц до смерти Феликсу Олеговичу пришлось посещать квартиру академика пять или шесть раз.

* * *

Гриневский далеко не в первый раз объявлял родственникам содержание завещания. И почти постоянно приключались истерики, конфликты или склоки.

Когда перед людьми маячат крупные деньги, то почти все начинают раскатывать губы. Каждому кажется, что именно он получит все или большую часть наследства.

А когда розовые надежды обнуляются, то человек впадает в ярость. Он чувствует, что его обокрали! Ему хочется наказать вора. И очень часто такой обиженный направляет свой гнев не в ту сторону. Главным виновником ему представляется тот, кто «неправильно» прочел завещание.

А это он – нотариус Гриневский.

* * *

Сегодня Феликсу предстояло не самое скандальное дело. Он знал, что родственники покойного не ожидают появления еще одного наследника. Но дети академика – люди интеллигентные, и мебель крушить не будут.

Гриневский сел за свой стол и начал перебирать бумаги.

Он ждал!

До назначенного срока оставалось три минуты. А главное – в кабинете нотариуса не было еще одного человека, самого важного в сегодняшнем спектакле.

Когда все бумажки с правой стороны стола были переложены на левую, Феликс Олегович осмотрел присутствующих. Детей академика он знал, хотя и не очень хорошо. Как и предполагалось, они пришли со своими консультантами.

Это были очень странные молодые люди. Слишком доброжелательные для такой ситуации – без гонора, суеты и амбиций. Совсем не похожие на адвокатов, юристов или ментов!

По правую руку от Иосифа Собакина сидел тридцатилетний парень с веселым и хитрым взглядом. Гриневский сразу решил, что это опасный, скользкий тип с двойным дном. Чего стоит только блуждающая улыбка на смазливой физиономии. Странно, но именно такие типы очень нравятся девушкам.

А возле Софьи Трофимовны сидела сравнительно молодая женщина. И на первые взгляд – тоже не подарок! Слишком умные глаза для такого возраста.

Пора было начинать церемонию, но Феликс тянул время. Он ждал, когда появится самый главный наследник!

И вот в дверь заглянула та, которую он ждал.

В кабинет вошла сорокалетняя женщина в белом халате. Из кармана торчала пачка рецептов, а через плечо висел фонендоскоп. Типичный вид врача, который на минутку оторвался от приема больных.

– Я опоздала? Простите, но я не могла бросить больных.

Гриневский встал и радушно поднял вверх ладони.

– Все в порядке, Галина Тарасовна. Мы понимаем – врачебный долг, клятва Гиппократова и всякое такое. Но мы еще не начали. Вы успели к самой раздаче.

Опоздавшая особа в белом халате скромно села в углу, а дети академика Собакина переглянулись и стали шептаться со своими консультантами. Было слышно, как Трофим Степанович тихо сообщил Олегу на ухо:

– Это врачиха из местной поликлиники. Я вам говорил о ней. Этого я и боялся! Вы догадываетесь, зачем она здесь появилась?

Софья Собакина тоже что-то хотела сказать, но только развела руками.

А нотариус Гриневский начал процедуру. Первая часть его выступления была похожа на научный доклад. Он говорил о главенстве закона, о семейных ценностях, наследственном праве, о Фемиде – богине правосудия.

Говорил он быстро и в таких юридических терминах, что его галиматью мало кто понял.

Затем Феликс перешел к сути дела.

– Вы все знаете, что покойный академик был моим доверителем. Я знал его много лет. Он просил меня оформить, хранить и довести до вас свое завещание. Итак, я приступаю к оглашению.

Гриневский поднял над головой тонкий пакет, прошитый со всех сторон нитками и пропечатанный печатями. Все подвинулись поближе, рассматривая конверт с завещанием.

Через пять секунд нотариус взмахнул ножницами, медленно отрезал край пакета и извлек документ. Все замерли.

Феликс Олегович приготовился читать, но потом отложил завещание и начал пересказывать его своими словами.

– Тут всего два пункта. Все движимое и недвижимое имущество передается детям. И квартира, и гараж с двумя машинами, и пять счетов в пяти банках, и мебель, и картины – все вам в равных долях! Все, кроме одного объекта.

В кабинете повисла пауза. Гриневский замолк и сел. А Иосиф Собакин встал и рявкнул во весь голос:

– Это, кроме какого такого объекта? Договаривай, нотариус!

Феликс встал и продолжил, обращаясь к сыну академика лично:

– Не надо так волноваться, уважаемый Иосиф Трофимович. В завещании есть второй пункт. По нему дачный домик в Малаховке отходит госпоже Яремчук Г. Т.

– Кому?

– Тому, кому слышали. Доктору, которая лечила академика. Которая выхаживала его в последние месяцы жизни. Той, которая, в конце концов, была почти членом семьи!

– Стоп, Гриневский! Это она была членом? Она кто такая? Ни жена, ни любовница! Я точно знаю, что у отца с этим делом уже десять лет, как полный провал! Кто она? Она – врач! Она исполняла долг Гиппократы! А за долг никто наследство не дает. Я прав, нотариус?

– Вы не правы, Иосиф Трофимович. Ваш отец проникся чувством к молодой женщине. Это мощная последняя любовь! Так часто бывает. Вы же слышали, что седина в бороду, а бес в ребро. А вообще-то я не обязан объяснять! Я объявил вам последнюю волю академика – вот вы с ним и спорьте.

* * *

Спорить с покойным никому не хотелось. Да и какой толк? Это, как мертвому припарки...

Только Варвара встала, подошла к Гриневскому и попыталась взять из его рук текст завещания. Но нотариус ловко устранился и спрятал бумагу в сейф.

– Скажите, Феликс Олегович, это подлинник?

– Да. А вы, извиняюсь, кто?

– Я – Варвара Галактионова, сотрудник детективного агентства «Сова».

– Очень приятно!

– Не думаю, что приятно! Мой клиент сомневается в подлинности завещания. Я возьму его на экспертизу. Я возьму под расписку, на короткое время. Или вы сразу подтвердите, что это фальшивка?

– Здесь все законно! Это правильный документ! Но вам я его не отдам даже под угрозой расстрела. Хотите копии? Я уже сделал шесть штук.

* * *

Каждый человек планирует свою жизнь, но самые важные события всегда случаются неожиданно.

Варю в девять утра разбудил подозрительный телефонный звонок. В трубке звучал мужской голос, который робко попросил госпожу Варвару Дюваль.

Галактионова вспомнила, что неплохо знает французский, и ловко изобразила акцент:

– Говорите. Дюваль у телефона. Я вас внимательно слушаю.

– Моя фамилия Иванов. Я от Бобринского, который на фирме «Кристи».

– О, вы от Пети? Вы его видели? Это крутой мужик! Он был мой приятель. И даже больше! Вы меня понимаете?

– Очень понимаю, госпожа Дюваль. Там в Париже все такое нежное, душевное. Как говорить – тужур, абажур, лямур.

– Очень верно! Хотя я не совсем поняла про абажур. Да, Петя попросил меня, и я могу вам помочь, господин Иванов. Но надо договориться о деталях. Надо встретиться лично. Глаза в глаза.

Иванов всячески торопил события, а Варваре нужно было время для организации засады, захвата и всякого наружного наблюдения.

Договорились на полдень. Их встречу «госпожа Дюваль» назначила в парке рядом с домом.

* * *

Закончив разговор, Варвара сразу позвонила Савенкову. Тот решил не сеять панику. При захвате «жулика с пуделем» можно использовать только силы детективного агентства «Сова».

– За три часа, Варя, мы не успеем все утрясти. Я же не шеф ФСБ. У того все рычаги, а мне надо просить и убеждать. Ты и я – это уже двое. Олег Крылов будет третьим.

– Надо еще Мишу Марфина привлечь. Хватит ему за компьютером сидеть.

– Верно, Игорь Михайлович. Пусть Марфин за бандитом побегаёт. У него очень интеллигентные кулаки – как трехлитровые банки.

– Итак, Варвара – нас четверо против одного! Хороший расклад в нашу пользу.

* * *

После разговора с Варварой Дюваль Феликс постоянно звонил жене, но в кабинете доктора Галины Яремчук никто не брал трубку. Очевидно, что ежедневная «пятиминутка» у Главврача опять затянулась на два часа.

Гриневский решил действовать сам. И почему это он должен с ней советоваться по каждому своему шагу.

Кто в доме хозяин?

И кто, в конце концов, в доме мужчина – он или она?

* * *

Феликс вспомнил тот день, когда он познакомился с этой изумительной женщиной.

Это было три месяца назад. Старик Собакин пригласил своего нотариуса для составления завещания. И так получилось, что у академика случился перебой с сердцем. Феликс вызвал врача из дорогой платной поликлиники.

И пришла Галина Яремчук. Она быстро сняла легкий приступ, но на всякий случай не уходила, собираясь контролировать состояние пациента.

Трофиму Степановичу было под восемьдесят. А это возраст! Академик не был в маразме, но он совершенно лишился осторожности. Рядом незнакомый врач готовит уколы, а он выкладывает Гриневскому состав своего наследства.

Более того, Собакин сообщил о спрятанной где-то коллекции собачек от Фаберже. И громко заявил, что эта часть наследства по современному курсу потянет на десять миллионов долларов. Или больше!

Сумма была космической, и Феликс с Галиной понимающе переглянулись – старикам и не такое мерещится.

Но у академика с головой было все нормально. Он уловил недоверие гостей и показал им спрятанного под подушкой серебристого пуделя с изумрудными глазами.

Не надо быть первоклассным ювелиром, чтоб отличить старинную вещь от современной штамповки. А тут еще – малахитовая подставка и маленькие клейма от Фаберже.

* * *

Гриневский еще раз переглянулся с незнакомой врачихой. Он понял, что она поверила в десять миллионов долларов.

Феликс и сам очень любил деньги! А перед женщинами испытывал нежный трепет. Он еще раз посмотрел в глаза чернобрового доктора и почувствовал, что поплыл.

Именно тогда, в тот самый день у него в квартире поселилась Галина Яремчук. И вскоре она перешла работать в районную поликлинику, где лечился Собакин.

* * *

Это был для Феликса незабываемый период! Праздник души и тела! Море удовольствия и взрыв эмоций.

Конечно, у сорокалетнего Гриневского и до этого были интимные встречи с девушками разного возраста. Но все проходило как-то все вяло, невнятно, исподтишка. И очень редко!

Все «невесты» проявляли скромность и от него ждали активных действий, а он этого не любил.

Он мечтал о женщине, которая сама набросится на него, скрутит в бараний рог и заставит выполнять ее капризы.

* * *

Галина Яремчук понравилась ему с первой минуты. В ее взгляде было что-то демоническое, заставляющее подчиняться.

Именно тогда, в день их первой встречи она вела себя очень правильно. Как истинный джентльмен.

Вечером она дождалась его после работы и пригласила в ресторан. Он что-то возражал, ссылаясь на дела и усталость, но она настояла. А ему понравилось подчиняться и ощущать, как она старается завоевать его.

В ресторане только Галина общалась с официантами. Раньше Феликс их стеснялся, а сейчас они даже не смотрели в его сторону. Она заказывала еду и напитки. Она наливала вино, она расплачивалась и оставляла чаевые.

Потом она сама ловила такси и договаривалась с водителем. И уже в машине Галя полувопросительно сказала: «Сначала заедем в общагу. Я захвачу свои чемоданы, а тогда поедem к тебе. Согласен?»

Феликс не ответил, но подумал, что молчание – знак согласия.

Согласия с чем?

Он понял, что сегодня ему придется спать с Галиной в одной кровати. И спать не только в прямом, но и в переносном смысле. От этого Феликс разволновался, немного обрадовался. Но еще больше испугался.

А зря! Дальше все пошло так, как он и мечтал. Она сама постелила постель, сама раздела его, повела в ванную, помыла, а потом руководила всеми его действиями – где, как и сколько.

И это было хорошо! Это было великолепно!

* * *

Но сегодня Гриневский решил действовать сам. Вопрос стоял ребром – речь шла о его жизни или его смерти! Харитонову и Ситнику надо обязательно заплатить. Иначе эти бандиты убьют! И в каком-то смысле, будут правы.

* * *

Эту криминальную парочку нашла Галина.

Они тоже приехали в Москву из-под Полтавы и подрабатывали на специфических подсобных работах. Они принимали заказы на выбивание долгов, обыски в квартирах, вскрытие простых сейфов.

Брали хлопцы не очень дорого, а работали честно.

Эти урки понадобились Гриневскому три недели назад.

Умиравший Собакин проговорился нотариусу о месте клада с собачками. Академик не сказал точно, но в его бессвязной речи звучали слова: «Наш дом, Малаховка, сейф, ключ».

Вскоре в квартиру академика пришла Галина. Она сделала больному укол и стала вместе с Феликсом искать ключ от сейфа, который стоит где-то в доме, который в Малаховке.

Это удивительно, но они не нашли ни одного похожего ключа вообще. Только от этой квартиры и от трех старых чемоданов.

И тогда Галя сообщила, что знакома с двумя очень приличными взломщиками. За какие-нибудь десять тысяч баксов они проникнут на дачу в Малаховке, вскроют сейф и честно принесут содержимое.

Галина Яремчук привела медвежатников. Но получилось так, что переговоры с Марком и Яковом вел Феликс Гриневский.

И теперь он рискует перед ними своей головой.

* * *

Вчера вечером один из друзей Феликса дал ему в долг пять тысяч долларов. Это пока половина нужной суммы, но эти деньги притормозят ярость бандитов на три-четыре дня.

Гриневский взял мобильник и набрал номер Харитонова.

– Не волнуйтесь, Яков. Деньги я достану сегодня. Мне их передаст одна знакомая из Парижа. Но нужна ваша помощь... Нет, бить ее не надо. Надо приехать на своей машине, последить за мной и подстраховать.

* * *

Миша Марфин прибыл на точку раньше других. Он поставил малоприметную грузовую «Газель» на краю улицы Наметкина, на углу, оттуда был виден вход на аллею Воронцовского парка.

Где-то слева у прудов должна была остановиться машина шефа, Игоря Савенкова. А правее и выше запланирована точка для синего «Рено» с Олегом Крыловым.

Таким образом, «Сова» окружила нужный участок парка с трех сторон.

Самое главное в таких операциях – это связь! У каждого из троих в машинах были приемники, настроенные на одну волну. А вот маленький передатчик величиной с зажигалку, антенный провод и микрофон с ноготок – все это надо разместить на теле Варвары.

Мишу волновало то, что сама она не сможет клеить пластырь на своей спине и в других местах. А значит – это придется делать ему.

Нет, если бы это делать где-то у врачей или в кабинете Савенкова. А как заставлять Варю раздеваться в тесной «Газели». Да еще не в компании, а один на один.

И это не то, что стыдно, а как-то страшно!

* * *

Красный «Лексус» Галактионовой чуть не проскочил машину Марфина. Варя затормозила у обочины далеко впереди, а потом задним ходом стала подбираться к «Газели».

Она вошла в тесный душный салон микроавтобуса, резко задвинула дверь и чмокнула Михаила в щеку.

– Ну как, Марфин, пора начинать. Мы не опоздаем?

– Нет, Варя, успеем. Тут работы на пять минут, но только не очень удобно.

– Разберемся, Мишаня! Ты показывай свою сбрую.

– Так вот оно все. Микрофончик, передатчик и антенна. Ее надо намотать вокруг тебя.

– Ясно. Очень удачная модель. Раньше все покрупнее было. Так, что мне делать?

Командуй, Миша, я готова.

* * *

Варвара была в джинсах и в пухлой трикотажной футболке, под которой, как показалось Марфину, ничего не было. То есть – совсем ничего, кроме цепочки с кулоном.

Пульс у Миши перескочил за сотню, в горле пересохло, а руки стали влажными. Он хотел что-то сказать, но лишь кисло улыбнулся и покраснел.

Варвара тоже волновалась, но только за предстоящую операцию, а не за эти пустяки.

Было ясно, что слабой женщине в очередной раз придется брать инициативу в свои руки. Варя схватила за края футболки, медленно потянула ее вверх и сняла ее, стараясь не повредить прическу.

– Начинай, Миша, клей меня. Я думаю, что микрофон пристроим здесь в центре, передатчик на животе, над пряжкой, а антенну на спину цепляй. Тут ее в два обхвата. Работай, Марфин! Ты что на меня уставился? Грудей никогда не видел?

– Видел. Да, я начинаю работать. Вот уже пластырь режу. Я только хотел сказать, что микрофон включен. У нас на связи Игорь Михайлович и Олег.

При этом Марфин еще больше покраснел и с несчастным видом указал на черный прибор, стоящий на полочке. Там что-то затрещало, и послышался кашель Савенкова.

– Да, да, ребята! Мы вас отлично слышим. Вы работайте и не смущайтесь. Делу время – потехе час!

* * *

Феликс Гриневский заставил братков три раза объехать Воронцовский парк и его окрестности.

Понятно, что и Яков Харитонов, и Марк Ситник очень хотели получить обещанные деньги. Но раскатывать по городу на угнанной «Хонде», это не просто опасно – это стремно!

Обстановка возле места встречи была спокойная. Мимо проходил разночинный народ, у обочин потихоньку парковались уставшие машины, а суетливые клерки выходили из ближайших офисов, садились в свои авто и спешили по делам.

Нотариус велел остановить угнанную «Хонду» сбоку от основного входа в парк. Более того – он велел Якову не глушить двигатель и оставить открытой заднюю дверь.

Еще в машине Гриневский надел парик, наклеил усы и не очень аккуратно прицепил бороду.

Поверх всего этого он надел шляпу и огромные темные очки. Феликс знал, что в этом маскараде его невозможно узнать. Но для полной конспирации он решил хромать на обе ноги.

Он мог бы выйти на точку встречи по главной аллее парка, но нотариус был осторожен сверх меры. Он пошел через кусты, прячась за ними и высматривая всех гуляющих.

Они договорились, что госпожа Дюваль будет в рыжей футболке и с ярким пакетом, на котором Эйфелева башня.

Их он увидел издали! И Дюваль, и башню.

Феликс хотел броситься навстречу сквозь кусты, но решил еще раз подстраховаться. Он во все глаза наблюдал не за француженкой, а за окружающим ее миром.

Похоже, что Варвару Дюваль никто не страховал. Окрестности были почти пустынные – две пятиклассницы на роликах, три мамы с колясками и четыре старушки на лавочках. Никто из них не мог бы служить в отряде ОМОН или в группе захвата.

А госпожа Дюваль шла навстречу. Шла спокойно, медленным прогулочным шагом.

Феликс возлагал на нее очень большие надежды. Если она согласится переправить всю коллекцию по дипломатическим каналам и при этом даст хороший аванс в наличной валюте, то остальное – дело техники.

Когда француженка почти поравнялась с ним, Феликс вышел из кустов, приветливо махнул ей рукой и поспешил навстречу. Госпожа Дюваль тоже заметила его, широко улыбнулась и ускорила шаг.

Солнце светило в глаза Гриневскому, и он с трудом различал черты лица Варвары.

Но уже с десяти метров эти черты показались ему знакомы. А за пять шагов до гражданки Дюваль он все понял.

Это была липовая француженка!

Это была та девица, которая приходила к нему с детьми Собакина. Она назвала себя юристом или частным сыщиком, но могла быть кем угодно. Даже чертом в юбке!

На секунду Гриневский замер и осторожно опустил шляпу до усов и бороды.

Когда Варя была уже в двух шагах от него, нотариус резко развернулся и, забывая хромать, побежал через кусты туда, где стояла под парами серая краденая «Хонда».

На бегу он услышал женский крик за своей спиной: «Постойте! Вы куда? Я согласна на все ваши условия... Ребята, он уходит! Он бежит через парк в сторону центра. Перехватывайте его! Я – за ним».

Феликс бежал, придерживая шляпу. Он очень боялся, что у него упадет парик и обнажит очень характерное плешивое темечко. По этой примете «француженка» опознает его в два или в три счета.

Он бежал и слышал сзади, как шлепают по траве женские ножки. Очевидно, что эта липовая Дюваль отбросила пакет с Эйфелевой башней, сняла свои туфельки и осталась в чем мать родила – в джинсах и в рыжей футболке.

Кросс продолжался две-три минуты.

«Госпожа Дюваль» почти догнала «интеллигента» в очках и шляпе. Но на последних секундах он вскочил в открытую дверь «Хонды», а та сорвалась с места, обдавая Варвару гарью и грязью, скопившейся у бордюрного камня.

Почти сразу подъехали все – и сам Савенков, и Олег на своем «Рено», и даже штабная «Газель» Миши Марфина. Они все поняли на ходу! Савенков чуть притормозил, махнул рукой в ту сторону, где стоял ее красненький «Лексус», и крикнул: «Догоняй»!

Но Варвара не пошла к машине по дорожке вдоль парка. Она стала через кусты возвращаться к той точке, откуда она начала бег. Где-то там, на поляне валялись ее туфли и красивый пакет с видом на Эйфелеву башню.

* * *

На лице у Яши Харитоновы сиял восторг. Это была настоящая погоня! За ним гнались сразу три машины, но он их непременно сделает.

«Хонда» лихо вырвалась на Профсоюзную улицу и устремилась в запутанные кварталы Новых Черемушек.

Удивительно, но в этот час здесь не было пробок. Машин было много, но Якову удалось лавировать между ними, увеличивая отрыв от преследователей.

«Хонду» бросало из стороны в сторону, а деловой Марк Ситник в глубине салона допрашивал испуганного Гриневского.

– Ты деньги у нее успел взять?

– Нет! То есть – да! Но не совсем. И не все сразу. Я достал только часть.

– Стоп, Гриня! Кончай кочевряжиться! Мы так не договаривались. Придется тебя бить! Деньги при тебе?

– При мне!

– Сколько?

– Часть. Большая часть!

– Сколько?

– Половина.

– Ну и что ты ждешь, Гриня? Доставай бабки. Буду считать – проверю твою честность.

Гриневский посмотрел в заднее окно и немножко успокоился – ему улыбались две удачи сразу! Похоже, что «Хонда» оторвалась от погони. И, похоже, что сегодня его не будут бить!

* * *

Несмотря на теплую погоду, Феликс для маскировки надел свободный плащ. И где-то во внутреннем кармане этого балахона скрывалась пачка американских денег. Для солидно-

сти он не сразу достал доллары. Сначала искал в пустых карманах и лишь потом вытащил тугую связку баксов.

Пока Ситник тщательно считал зеленоватую валюту, Гриневский еще раз обернулся и всмотрелся в поток автомобилей. Жаль, но первый раз он ошибся. Их преследовали!

Точно! Юркий синий «Рено» и эту тусклую драную «Газель» Феликс видел еще возле Воронцовского парка. А сейчас они обгоняли трамваи где-то в районе Шаболовки.

Работа нотариуса умственная и размеренная. Она не предполагает погони, захваты и мордобой. И Гриневский задергался. Он привстал и, мешая Марку считать деньги, протиснулся поближе к водителю.

– Послушайте, Яков. Они не отстают. Я их засек – «Газель» и синий «Рено». Их очень много! Они нас догоняют!

– Их больше, чем ты, Гриня, думаешь. Еще зеленый «Форд», который слева. А еще вдали пыхтит красный «Лексус» с твоей девкой.

– Так их четверо?! Я прошу вас, Яков – надо что-то делать! Если нас поймают, то разорвут на части.

– Не трусь, нотариус! Отобьемся!

– Но они нас догоняют!

– Догоняют-догоняют, а догнать не могут. Марк! Кончай считать бабки. Готовь канистру с бензином.

Ситник был послушным исполнителем. Он распихал доллары по карманам, извлек из-под сидения пластиковую канистру на пять литров, отвинтил крышку и приготовился. А Харитонов проявлял чудеса скоростного вождения. Прорвавшись в район Полянки он лихо крутил по переулкам и московским дворикам старого Замоскворечья. При этом Яков продолжал командовать парадом.

– Не бойтесь ребята! Нас не догонишь! Не на тех напали. Ты бы, Гриня, сбросил с себя грим. У тебя борода, как три года в лесу жил. Стыдно с таким в метро ехать.

– А мы на метро поедem?

– На нем, Феликс Олегович. Поедем, как белые люди. Вы готовы? Через минуту я въеду в арку. Даю команду, и первым выбегает Гриня. Ты, Марк, плещешь бензин и сразу вылетаешь. Все поняли?

Они ответили хором, и почему-то на военный манер: «Так точно! Будет исполнено».

В последний момент Гриневский сорвал с себя усы, бороду, очки с бровями. Он стянул с себя пухлый плащ типа «макинтош». Но оставил широкополую шляпу, натянув ее по самые уши.

На одной из улочек Яков издал какой-то гортанный крик, похожий на зов индейцев племени команчи. И в этот момент он крутанул руль вправо и, обдирая бока «Хонды», въехал в узкую арку проходного двора.

От тряски канистра выпала из рук Ситника и стала выплескивать бензин на чудесный коврик, украшавший украденную Хонду, на брюки Гриневского, на смятый плащ, на упавшую вниз бороду.

«Хонда» на полный корпус въехала в проходной двор и замерла, а Яков заорал, не обращившись:

– Вон из машины!

Феликс распахнул дверцу по левому борту и вывалился на асфальт.

А у Ситника было более сложная работа. Он за две секунды приладил канистру горлышком вниз на то место, где только что сидел нотариус. И вслед за этим Марк выпал с правого борта.

Яков дал задний ход, и, ломая дверцы машины, на полкорпуса въехал в узкую арку.

Он быстро вышел, и в этот момент в проеме появилась «Газель» с Мишей Марфиным. А чуть дальше в просветах угадывались и синий «Рено», и зеленый «Форд», и красный «Лексус».

«Газель» встала и чуть попятилась назад. Вероятно, Марфин набирался смелости, чтоб с разгона протаранить «Хонду» и выпихнуть ее из арки. Но он не успел!

Харитонов держал в руках американскую зажигалку типа «Зиппо». Он со звоном откинул ее крышку, чиркнул по колесику, зажег фитиль и бросил все это в дальнюю часть салона «Хонды».

Горящая зажигалка упала на промокшую от бензина бороду. В первый момент взрыва не было. Но через пару секунд в машине так полыхнуло, что пламя вырвалось из всех окон, заполнило арку и стало расширяться, выталкивая «Газель» и подгоняя в спину бегущего к метро Яшу Харитонова.

Почти сразу Савенков определил, что они в тупике – в прямом и в переносном смысле. Сбоку длинный корпус какого-то бывшего завода, потом череда домов. Объезд и парковка у метро. А это три минуты.

Те, кто раньше был в горячей «Хонде», они уже спускаются по эскалатору. А через пять минут затеряются в сложных переходах под «Библиотекой Ленина» – там, где пересекаются сразу четыре линии.

Ищи ветра в поле!

* * *

Это напоминало пикник, а не совещание по разбору полетов. Все мрачно сидели за огромным столом между двух яблонь, а Савенков стоял у мангала и делал вид, что жарит шашлык. Но свинина на шампурах попала какая-то водянистая, и из каждого куска мяса на угли сочился скользкий соевый бульон. Угли шипели и тихо гасли.

Уж что-что, а готовить шашлыки Игорь Михайлович умел. Он и тут мог бы все поправить. Но не та ситуация! Не до мяса сейчас.

Не заработали на еду!

* * *

Савенков отошел от мангала и сел к столу за председательское кресло. Он стал говорить, как Чапаев из старого фильма.

– И как же это понимать, товарищи бойцы? Позор! Для всей нашей «Совы» – пятно! Четыре машины полчаса гоняли по Москве вонючую «Хонду». Обложили со всех сторон, а взять не смогли.

– Так ведь и вы, шеф, на «Форде» пытались.

– Прав, Олег! И мне позор по полной программе. Враг оказался хитрее нас. Но рано ему радоваться. Еще не вечер! Докладывайте, что успели сделать вчера. Ты, Михаил, с экспертами все прокачал?

Марфин встал и откашлялся. По всему его облику чувствовалось, что он готов сообщить что-то важное.

– Я, Игорь Михайлович, очень плотно поработал с криминалистами. Понятно, что «Хонда» сильно прогорела, но ребята нашли некоторые улики. Первое – остатки от пластиковой канистры.

– Ну, это понятно – там весь салон в бензине был. Так полыхнуло! У тебя самого волосы на виске обгорели. И ухо красное. Не болит?

– Нет, не болит! Но очень чешется.

- Это тебе повезло, Миша, что ты задний ход дал. А стоял бы впритирку – сам бы вспыхнул. Итак, горелый полиэтилен от канистры нам ничего не дает! Еще что-то накопили?
- А как же! Нашли сгоревший плащ и черный комок с обгоревшими волосами.
- Парик?
- Не только. Похоже, что там усы, борода и очки – все в одну кучу сплавилось.
- Понятно. Отпечатки, конечно, не искали?
- Даже и не пытались. Да, еще нашли зажигалку. Американскую! Но таких в Москве – пруд пруди.

* * *

Марфин замолчал, намекая, что доклад окончен.

Савенков встал и опять направился к мангалу. Он начал махать жестяным подносом, пытаясь разжечь угли. Но те намертво загасли под слоем стекающей соевой субстанции.

Игорь Михайлович еще больше расстроился, махнул на все рукой и снова сел на председательское место.

- Как у тебя, Варвара? Определила телефон, с которого звонила эта «Борода»?
- Нет. Я уверена, что ребята сделали все возможное, но телефон не определился.
- Почему не определился?
- Не ясно, Игорь Михайлович. Специалисты мне сказали, что это и для них большая загадка.

– Хорошо, ребята! Даже – отлично! Это называется – приехали! Преступник был у нас в кармане, а теперь у нас что? Сгоревшая борода и большая загадка. Ты, Олег, что молчишь? Искал свидетелей? Или их, как обычно, не нашлось? Никто ничего не видел.

- А вот и нет! Мне подфартило. Есть хорошие новости.
- Говори, Олег, не тяни кога за хвост!
- Вот менты тоже думали, что не найдут свидетелей. Потому и не искали. Даже не провели поэтажный опрос.

– А ты провел?

– В лучшем виде! И вот он результат.

Жестом фокусника Крылов вытащил пачку фотографий и ловко выбросил их на стол. Карточек было два десятка, но важных изображений всего три.

На одном фото была видна арка, в ней нос «Хонды», а рядом с водительским местом стоял мужик с зажигалкой. На втором снимке крупный план – тот же мужик, бегущий к метро.

Несмотря на движение, черты лица «поджигателя» отчетливо различимы. А на третьем фото – спина убегающего преступника.

Все сразу приободрились. Савенков сбегал в дом за лупой и стал внимательно рассматривать физиономию гада, водителя бедной «Хонды».

– Молодец, Олег! Передовик! Хоть сейчас на «Доску почета». С такой фотографией мы в три дня возьмем этого типа. Как тебе удалось?

– Запросто! На пятом этаже дома над аркой живет подросток Женя – восьмиклассник. Ему подарили цифровую фотокамеру. Он сидел во дворе на скамейке и изучал инструкцию.

– Жаль, что он не щелкнул тех двух, что раньше убежали. Ты спрашивал, Олег – он их видел?

– Я спрашивал, Игорь Михайлович. Да, он их видел, но мельком. Но говорит, что точно – бородатого среди них не было.

– А откуда ей взяться бороде? Она в машине сгорела. Верно, Миша?

– Сгорела, Игорь Михайлович! Я сам видел ее остатки. Черный комок! Грязный, волосатый и вонючий.

* * *

Гринеvский ожидал всего, но только не этого! Галина встретила его в весьма игривом расположении духа. В руках у нее был фен, волосы всклокочены, а халатик призывно распахивался в обе стороны. Понятно, что она только что вышла из ванной и приводила себя в порядок и улыбалась.

Очень странно! Это не в ее характере.

Но ясно и другое! Она совсем не волновалась за него!

Могла бы нервничать, плакать, пить валерьянку или просто рвать на себе волосы. Так нет – она спокойно помыла эти волосы и даже сушила их феном. Но сейчас он скажет ей такое, отчего у нее все встанет дыбом!

– Галина, мы погибли!

– Что это так мрачно? Или твоя француженка не пришла на свидание? Как ее – Варвара Дубаль?

– Не Дубаль, а Дюваль! Она пришла. Но с ней пришли еще какие-то люди.

– Кто?

– Я не знаю, Галя! Я их не видел. Но они гнались за нами. Пришлось в арке сжечь машину и убежать через какие-то задворки.

– А может эта Дюваль привела своих друзей. Это не французы были?

– Какие французы? Опомнись, Галина! Французы на «Газелях» не ездят!

Очевидно, до женщины стало доходить, что ситуация и на самом деле была опасной. И не только для Гринеvского, но и для нее самой. Еще сегодня утром она смеялась над тем, как Феликс готовится к свиданию с француженкой.

Кто она такая, эта Дюваль?

Она – лишь один из вариантов вывоза коллекции в Париж. Но они пока еще не нашли всех собак. Один пудель – это хорошие деньги, но это не богатство!

И потом – почему надо вывозить сокровища через неизвестную девку из французского посольства? Есть другие удобные способы.

Когда Галя Яремчук жила в Одессе, ее убедили, что вся контрабанда в страну идет через торговый порт. И не через парадный вход с Потемкинской лестницей, а сбоку – через базы на Большом Фонтане или в Лузановке.

Она так и считала, что «француженка» – это баловство. Проба пера перед поиском серьезных людей с Малой Арнаутской.

– Ты не волнуйся, Феликс. Ты же в гриме был? Она тебя не узнала?

– Кто?

– Француженка. Ну та, которая Дюваль.

– Ужас, Галя! Мы пропали! Эта девка – никакая не француженка! А уж тем более – не Дюваль! Это юрист, или сыщик, или мент! Это та особа, которая пришла вместе с детьми Собакина. Она, между прочим, рядом с тобой сидела.

Дальше пошла немая сцена.

Гринеvский со страдальческим лицом бросился на кровать и начал беззвучно рыдать. А Галина отложила фен, сбросила на пол халатик и стала судорожно одеваться, путая вещи и последовательность действий.

– Не переживай так, Феликс. У меня у самой все дрожит. И внутри, и снаружи. Скажи, ты был в бороде и в очках? Она тебя не узнала?

– Уверен, что не узнала. Я все делал, Галя, как ты советовала. Даже хромал на обе ноги.

– Так и чего ты так нервничаешь? Не узнала, и шут с ней! Думай о приятном. Давай сегодня праздник устроим.

Феликс поднялся с кровати, поправил помятый пиджак, встал перед полуодетой Галиной и виновато посмотрел ей в глаза. Почти так, как пудель, укравший со стола сосиску.

– Я, Галя, не сказал тебе самого главного. Мы бежали через двор, и я увидел парня с фотоаппаратом.

– Он тебя сфотографировал?

– Нет, меня он не заметил. Он направил камеру на Харитонову, который поджигал украденную машину. А потом я на бегу обернулся, и мне показалось, что пацан снимает Яшу крупным планом.

Они опять помолчали.

Галина понимала, что именно она подключила к делу уголовников. Феликс был против лиц из криминальной среды. И он оказался прав!

А ей хотелось побыстрее и все сразу.

Она обняла Гриневского и попыталась словами загладить свою вину.

– Жаль, что так получилось. Ты был прав. Уголовники до добра не доведут. Менты теперь быстро возьмут Якова. А он расскажет и про тебя, и про меня, и про дом в Малаховке.

– Галя – они бандиты! Их надо убрать! Тогда и остаток долга им можно не возвращать.

– Согласна! Только уж этим ты займись. С меня хватит академика.

– Я не смогу один. Ну, пожалуйста, Галочка. Помоги мне. Давай уьем их вместе. Ты не против?

* * *

Миша Марфин долго не мог понять, почему эту работу Савенков поручил ему.

Ясно, что расследование пошло по двум разным направлениям.

Первое – все, что связано с семьей академика Собакина, с его смертью, с наследством и тому подобным.

А второе – это «Бородач» в гриме.

Именно он засветился в Париже, он показал пуделя антиквару Рыжову, а потом напал на ювелира. И, главное, что он позвонил Варваре «Дюваль» и шел к ней навстречу.

Почему он убежал?

Это большой вопрос! Но этого типа надо искать. И найти его можно через сообщника, который оставил свой портрет на фотокамере подростка Жени.

Так вот, искать этого сообщника Савенков направил Олега Крылова. Они уже подключили все свои связи в МВД, ФСБ и других хитрых конторах.

Это давно всем известно, что без личных связей дела стоят или ползут со скрипом. А с нужными людьми – все скользит, как по маслу!

Не подмажешь – не поедешь!

* * *

Итак, шеф занял Олега тем делом, а Марфину достался типично Крыловский участок работы – общение с женским полом.

Савенков направил Мишу в поликлинику, где лечился покойный Собакин, и где работает странная наследница – врач Галина Яремчук.

Михаилу предстояло собрать о ней всю информацию. И сделать это надо были быстро, тщательно и конспиративно.

А значит – тайно!

Вот это больше всего пугало Марфина. Он не мог подойти к медсестре и сказать: «Привет! Я – частный сыщик. Расскажите мне о докторе Яремчук. Что это за особа и с чем ее едят? Спасибо за информацию».

Так нет – Миша должен был быстро и тщательно познакомиться с медицинской сестричкой, а потом увлечь, завлечь и развлечь!

Надо, вешая лапшу на девичьи ушки, ненароком подвести к нужной теме. А получив информацию, хитро уйти, спросив таблетку от головной боли.

Про таблетку это очень важно. Еще Штирлиц учил, что хорошо запоминается лишь последний вопрос!

Теорию Марфин знал, но не любил обманывать.

Еще с воров или убийцей – тогда конечно. А с нежной сестричкой сложно. Это до некоторой степени подло! Это бессовестно, гнусно и даже мерзко!

Правда, опытный Крылов успокоил Марфина, сообщив, что медсестры – особый народ! С ними флиртуют чаще, чем даже с продавщицами. У медичек иммунитет по части знакомств на работе.

Подходя к поликлинике, Марфин совсем запутался в своих ощущениях и решил полагаться только на интуицию.

В отделении, где работала доктор Яремчук, проходила пересменка. Утренние врачи уже не принимали, а вечерние еще не приступали.

Этот час напоминал легкий переполох.

Марфин сел, затерявшись в дюжине больных, ожидающих своих докторов. Он внимательно смотрел за суетой в коридоре.

Он выбирал жертву!

Миша сразу положил глаз на медсестру среднего возраста. Она выглядела именинницей. По ясным, смеющимся глазам ей можно было дать тридцать пять, а по статной фигуре – сорок пять и даже больше.

Рядом с Марфиным была дверь служебного кабинета. И веселая медсестра с пышными формами первой заскочила в эту комнату.

Она вбежала туда в белом халате, а через пять минут выплыла в пестренькой кофточке и плотно сидящих джинсах. В руках у нее было много всего – два букета, сумки, коробочки. Она пошла к лестнице, неуклюже неся свою поклажу.

Почти машинально Михаил, как врожденный джентльмен, вскочил и предложил помощь.

– Давайте сумки. Я донесу. Вы на машине?

– Нет, я своим ходом.

– Вот и хорошо. У меня внизу служебная «Газель». Я могу подбросить вас до метро.

– Здорово! Я так рада. Мне бы самой все это не дотащить. Это подарки. Между прочим – мне сегодня сорок лет. Мы уже немножко отметили.

– Поздравляю!

– Спасибо. А меня зовут Маша.

– Очень приятно. А я – Миша.

– Здорово! Даже немножко смешно. Мы, как брат с сестрой – Миша и Маша.

– И, правда – смешно. Вот что, Машенька. А я вас до дома довезу. Это будет мой подарок на день рождения. Вы согласны?

– Еще бы, Миша! Очень даже согласна. Только я в Ясенево живу. Это далеко ехать.

– Доедем, Машенька. Вы мне по дороге будете рассказывать про свою поликлинику, про врачей и всякое такое... Я писатель! Детективы сочиняю. Нужны сюжеты, но чтоб из жизни.

– Я тебе, Миша, все про них расскажу. Только давай перейдем на «ты». И день рождения у меня, и вообще! Ты мне очень приглянулся. Ну, прямо, как родной.

* * *

Марфин старался ехать тише. А медсестра болтала без умолку. И с первых же минут само собой возникло нужное имя – Галина Тарасовна Яремчук.

– Очень странная женщина, Миша. У каждого в голове есть свои тараканы, но таких крупных, как у нее, я нигде не встречала.

– А в чем дело?

– Во всем! Пришла к нам на работу из платной клиники, где оклады больше наших в три раза. Пришла и сама попросилась на самый сложный участок. Это, Миша, нормально? Скажи!

– Нет! Но возможно, что у нее есть свой интерес. Я слышал, что в том районе интересные люди.

– Это только в одном доме, где академики живут. Но они все блатные и лечатся в Кремлевке.

– А Собакин?

– Ой, Мишаня! Собакин – уникал. Он чудак. Одно слово – демократ. Помнишь, как Ельцин на троллейбусе ехал в районную поликлинику? Но он-то просто дурил народ, а Собакин навсегда отказался от всех привилегий и лечился у нас.

– Это честный поступок, Маша. Здорово!

– Глупо! Но с этим Собакиным вообще цирк. Галина стала к нему ходить, и сразу сообщила, что старик на нее запал.

– Влюбился?

– Именно, Миша! И вот она ходит и ходит к академику. И каждый раз нам рассказывает: я ему понравилась, он полюбил, хочет жениться. Мы думали, что вот-вот свадьба, а академик взял и помер.

Марфин понимал, что Ясенево близко, а разговор пошел интересный. Миша съехал на боковую улицу, затормозил в тени деревьев и сообщил, что мотор перегрелся.

Маша хитро улыбнулась и расстегнула верхнюю пуговицу на кофте. Она надеялась, что ее новый знакомый начнет приставать. Но скромный Михаил покраснел и как-то скукожился.

Когда стало ясно, что любовь отменяется, Мария фыркнула, но продолжила рассказ.

– А в прошлом месяце мы вообще все отпали! У нас делает уколы регистраторша из местного ЗАГСа. И она сообщила, что наша Яремчук недавно сочеталась браком! Как тебе это? У нее медовый месяц, а она нам поет про любовь академика, про наследство.

– Погоди, Маша. Так, Яремчук не за Собакина вышла замуж?

– Какое там! Тот – старик. А она тихо зарегистрировалась с молодым адвокатом. Забыла его фамилию. Что-то связано с долларом.

– Может быть, Баксов?

– Совсем нет! Ты бы сказал еще Басков. Нет, она говорила, что это настоящая фамилия того, который писал про красные паруса.

– Грин? Гриневский?

– Верно! И не адвокат он вовсе! Я точно вспомнила – нотариус Гриневский.

Марфин чуть не подпрыгнул на своем водительском месте и срочно включил двигатель. Ему хотелось поскорее въехать в это Ясенево, высадить именинницу и доложить Савенкову о своем успехе.

Он, конечно, не опер, как Крылов, но информацию получил в один присест.

Убойные сведения!

* * *

Маша попросила остановить машину не у подъезда, а рядом, за гаражами.

Она на прощанье обняла Марфина, притянула к себе и попыталась поцеловать его в губы. Но он увернулся, и помада оставила след где-то на щеке. Именинница опять фыркнула и усмехнулась.

– Скромный ты, Мишаня. Очень стеснительный. Но я именно таких и люблю. Запиши мой телефон.

– Какой телефон?

– Мобильный! Но постоянно не трезвонь – мой Николай ревнив, как Отелло. Позвони послезавтра в девять вечера.

– Почему так поздно?

– Ох, Миша! Для этого дела никогда не поздно. Просто мой Коля в восемь уйдет в ночную смену. И я свободна до утра. Теперь все понял, глупышка?

* * *

Самая простая работа досталась Варваре. Она работала по окружению квартиры академика. Опросы консьержей, соседей, почтальонов, старушек на лавочках.

Но все не заладилось с самого начала. Соседи по площадке были демократами первого призыва, а потому на дух не переносили сыщиков. Они представляли, что, ответив на вопросы, сразу станут «стукачами».

Варя вспомнила, как еще пять лет назад спорила с такой вот парочкой либералов. Она спросила их тогда: «Если бы вы точно знали, что готовится взрыв в метро – вы бы сообщили в полицию или ФСБ? Я уверена, что вы позвонили бы». Их ответ был страшным: «Нет! Никогда! Такой звонок был бы доносом».

Это такая порода людей – пусть другие погибнут, а мы останемся чистенькими.

Это не либералы, а просто сволочи!

* * *

С консьержкой у Варвары не сложилось по другому поводу. В подъезде сидело симпатичное лицо восточной национальности. Откуда-то из Средней Азии.

Это лицо сносно понимало по-русски, но говорило значительно хуже. Или могло говорить, но не хотело – кто поймет этих таджиков!

Восток – дело тонкое...

* * *

И с почтальонами ничего не получилось. Не было их в этом районе. Они все вымерли, как класс.

А вот старушки у подъезда – это наши люди! Цвет нации! Им бы памятник при жизни...

Варвара очень умело начала разговор. Она поругала современную молодежь, которая галдела на детской площадке. Потом прошла по поводу верховной власти и особо остановилась на маленьких пенсиях. Затем начала критиковать работу электриков, слесарей, дворников и прочей местной обслуги. Старушки слушали, кивали и поддакивали.

– Очень верно говоришь, девушка! Вот тебя надо депутатом – это вместо того, который всех за волосы таскает. Тебя как звать, милая?

– Имя у меня не очень современное. Я – Варвара. Если бы меня в Думу, то я бы им показала, где кто зимует. И первым делом взялась бы за медицину. Раньше она была не такая!

– Золотые слова, Варвара! Раньше все было не такое. Я как вспомню своего мужика – раньше такой крепкий был, а сейчас весь обмяк.

– Я взялась бы в первую очередь за участковых врачей. Это главное звено.

– Это, Варя, гнилое звено! Вот взять нашу Гальку Яремчук. Одно слово – мегера. И хитрая, как стерва. Как она перед нами все выпендривалась? Делала вид, что академик в нее влюбился.

– Делала вид?

– Конечно! Иначе, зачем ей с нами лясы точить? Она хотела, чтоб мы поверили в ее любовь с Собакиным. А академик был строгих правил. И жену-покойницу всегда поминал. Нет, Варя, тут у этой врачихи какой-то свой интерес был.

– Почему вы так думаете?

– А потому, милая, что у каждого человека свой интерес есть. Вот ты с нами треплешься, а сама, небось, из МУРа. Ты ведь сведения собираешь на Галину или на покойника Собакина? Так?

– Ну, как вам сказать...

– А ты, Варвара ничего не говори. Все равно соврешь! Галина бывала у Собакина через день. А привозил ее мужик на черной машине.

– Вы не заметили марку машины.

– Автомобиль иностранный. Точно, что не «Волга» и не «Москвич».

– А номер не запомнили?

– Нет, Варя, не запомнила! Но я его записала. Вот здесь в книжечке, на последней страничке.

* * *

День стоял жаркий, а Савенков почти неделю не был на даче. Сушь для огорода – смертельная угроза!

Игорь Михайлович еще утром объявил всем, что берет у «Совы» отгул и едет в свою деревню...

* * *

Вечернее совещание проводили без шефа.

Крылов за день успел раскопать поджигателя «Хонды». Правда – не до конца. Фото сразу разослали во все службы. И в одном отделении полиции этого типа опознали. Недавно он случайно попал к ним в ходе рейда на рынке. Его опросили, подержали в кутузке и отпустили. Но личность зафиксировали. Это некий Яков Харитонов, приезжий с Украины.

В протоколе было записано странное место его регистрации – «деревня Сосенки, Калужское шоссе». Ни улицы, ни номера дома, ни других намеков.

Сегодня вечером по просьбе Крылова местный участковый будет проводить обход Сосенок. А это большая деревня!

Олег очень надеялся, что завтра утром можно будет брать Харитонova.

Менты, конечно, завели дело по уgonу и уничтожению «Хонды». Это значит, что задержать поджигателя можно официально, а уж потом колоть насчет «бородача».

У Марфина и у Варвары тоже были важные новости, но ничего срочного. Крылов хотел уже закрыть совещание и завтра с шефом обсудить план действий. Но его опередил Марфин.

– Погоди, Олег, нам нельзя уйти просто так. У меня есть предложение.

– Высказывай!

– Нотариус Гриневский и врач Яремчук – муж и жена. Это факт.

– Ты прав, Миша. Но кто с этим спорит?

– Слушай дальше. У меня цепь логических построений. Старушки сообщили Варе, что академик не мог влюбиться. А значит, он не мог завещать родовое гнездо в Малаховке малознакомому врачу. Какой можно сделать вывод. Подумай, Олег?

– Ты намекаешь, Миша, что завещание фальшивое?

– Да! Я думаю, что Собакин общался со своим нотариусом и проговорился о коллекции. Гриневский устроил свою подружку Яремчук врачом в местную поликлинику, а потом подделал завещание. Оставалось только ждать, когда умрет академик.

– Или ждать, или ускорить этот процесс. У врача Яремчук были все возможности. А это уже убийство!

– Нормальная версия, Олег. Но ее уже не доказать. Хороший врач убивает аккуратно. Он знает о вскрытии и анализах. А по липовому завещанию надо работать срочно. Иначе эта криминальная парочка первой найдет коллекцию и перепрячет Фаберже.

– Как это работать?

– Эту бумагу надо у Гриневского временно изъять и проверить.

По глазам Варвары Крылов понял, что она поддерживает Марфина. Более того – они наверняка уже обсудили и подготовили план.

Это хорошо! Но принимать решение без Савенкова придется ему. И отчитываться перед шефом придется ему. А если поймают, то отвечать придется не только перед шефом.

Правда, если случится победа, то победителей не судят. А даже наоборот – хвалят и награждают.

– Ну, а ты, Варвара как решила бы? Ты тоже согласна с этой авантюрой?

– Полностью! Мы с Мишей все рассчитали. В два часа ночи криминалист Кучкин будет ждать нас в своем кабинете. Для экспертизы ему нужно всего час-полтора. И ровно в четыре мы возвращаем завещание на место – в сейф Гриневского.

– А с какого перепуга Кучкин останется до двух ночи. Меня он как-то в семь вечера отфутболил.

– Это тебя, Олег, он отфутболил. Ты – мужчина. А я попросила, и он будет работать всю ночь. Сейф Гриневского мы видели – ты вскроешь его за три минуты. Дверь – вообще не вопрос. Сигнализация стандартная и прямо в холле. Вахтер должен спать в своей каморке. Она чуть в стороне и нам не мешает. Так ты согласен, Крылов?

– Я против! Но вас двое, и вы меня задавили. Нам надо здесь оставить записку Савенкову.

– Зачем?

– Чтоб он сухари нам сушил и передачи носил. Значит так – встречаемся здесь в одиннадцать вечера.

* * *

В одиннадцать вечера двое вышли из леса.

Гриневский оставил машину в километре от нужного места. Он заранее свернул с Калужского шоссе и петлял по проселкам в районе поселка Коммунарка.

Потом он приблизился к Сосенкам с тыльной стороны, и они уже двадцать минут брели по буеракам...

* * *

Изба стояла на отшибе деревни. Никакие соседи их видеть не могли. И почва вокруг была сухая и твердая – на такой следы не остаются.

Галина позвонила Харитонову днем и предупредила о визите. Повод – возврат второй половины долга. Мол, деньги нашлись, и они с Феликсом спешат расплатиться. Это было такое заманчивое предложение, от которого хохлы не могли отказаться.

Когда, после суровых и настороженных приветствий четверо сели за стол переговоров, Гриневский первым делом вытащил из кейса четыре бутылки – водку, виски, джин и кагор. Рядом легла тугая пачка долларов.

Харитонов взглянул на это добро, сглотнул слюну и машинально спросил:

– Закуску привезли?

– Конечно!

– Хорошо. Марк, ты пойди с Галиной собери на стол. И не как обычно, а с тарелками и салфетками. Всего десять минут. Мы пока баксы будем раскладывать. Денежки любят счет.

Яков слюнявил пальцы и подбирал сотенные купюры в стопки по десять штук – вот одна тысяча, еще, еще. Для проверки он вынул денежку из центра колоды. Присмотрелся к купюре, похрустел, понюхал и зачем-то лизнул.

Похоже, что не фальшивки! И номера на всех разные. А на некоторых зеленоватых прямоугольниках в уголках небольшие чернильные печати или рукописные арабские буквы.

У каждой деньги своя судьба. Кто-то долго лежал в сундуке или сейфе, а кто-то колесил по свету, переходя из рук в руки. Теперь эти баксы покинут страну «клятых москалей» и поедут в самостийную Украину.

Да, на эти гроши можно вагон сала купить!

Харитонов сложил доллары в пачку, стянул резинкой, встал и протянул Гриневскому руку.

От неожиданности Феликс замешкался. Потом вскочил и ответил на рукопожатие.

– Очень рад, Яков, что вы довольны. Я не хотел, чтоб вы уходили с обидой.

– Какие тут обиды. Все – как в аптеке. Только подозрительно мне.

– А что такое?

– Странно мне. Первый раз встречаю честного нотариуса.

Феликс замаялся и два раза хихикнул. А Харитонов рассмеялся во весь голос, хлопнул Гриневского по плечу и направился с деньгами в боковую комнатку, превращенную в чулан.

Чуть подвинувшись, нотариус увидел, что Яша прошел к полкам у левой стены. Краем уха Феликс зафиксировал скрежет и жестяной звон какой-то посуды – или ведра, или тазика типа банной шайки.

А стол уже ломился от вскрытых консервных банок, от нарезки колбас, ветчины и красной рыбы, от маринованных огурчиков, оливок и разных прочих фруктов.

Для «прощального банкета» гости закупили две баночки осетровой икры. По-человечески им было жалко хохлов!

Хотелось порадовать ребят напоследок...

* * *

Набор спиртного был четко выверен. Ни один уважающий себя мужик не будет пить сладкий кагор, а тем более – джин с противным можжевелевым запахом.

Пили вроде бы из одного котла, но Галина, как слабая женщина налила себе кагор, а интеллигентный нотариус согласился на джин с тоником. Хохлы предпочли армянский коньяк и водку с клофелином.

И естественно, что они начали с водки!

* * *

После третьего тоста Харитонов уткнулся лицом в тарелку. И Марка Ситника это сильно насторожило! Он грозно хрюкнул в сторону Феликса и встал. Но его повело в разные стороны, закружило и отбросило на старый пружинный диван.

Там он и вырубился окончательно.

Выждав минуту, Феликс с Галиной бросились в чулан. Там у левой стены на полке стояла старая оцинкованная детская ванночка. Такими пользовались еще при «Мойдодыре».

Внутри этого раритета внавалку лежали ржавые инструменты и всякое барахло. А под ванночкой притаились две пачки долларов – прошлая часть долга и сегодняшняя. Одну колоду взяла себе Галина, а вторая половина досталась Гриневскому.

* * *

Электричество в доме было.

И газ был!

Но по крестьянской привычке хозяева, которые сдали домик хохлам, на видном месте хранили примус, керогаз, подвесные лампы типа «летучая мышь». И естественно, что рядом стояли две трехлитровые бутылки с мутным керосином.

Одну емкость Галина Тарасовна лично вылила на покрытый ковром диван, частично занятый рухнувшим на него Ситником.

А в это время Гриневский городил вокруг привалившегося к столу Харитонова горы ящиков вперемешку с тряпьем из шкафов и комодов.

Вторую бутылку керосина тоже вылила опытная врач Яремчук. В комнате от сладковатых паров стало невозможно дышать.

Еще когда Феликс строил баррикаду вокруг Якова, он прихватил в углу двухметровый шест, похожий на толстое удилице. Оставалось только намотать на него тряпку и положить этот факел в керосиновую лужу возле дивана.

Они забрали все свои вещи и вышли на крыльцо. Галина чиркнула зажигалкой и зажгла тряпку на конце шеста. А Гриневский вбросил этот факел в комнату, стараясь попасть под ноги Яши Харитонова.

Бросок был точен, и пламя медленно поползло вверх к столу, заставленному закусками. Черную икру они так и не вскрыли!

* * *

Первый раз они оглянулись, когда забор и калитка остались далеко позади.

Изба стояла, как и раньше. Только внутри вместо тусклого света электрических ламп весело плясали яркие языки пламени.

Быстрым шагом Гриневский и Галина Яремчук шли к лесу. В середине поля они обернулись на вспышку света и резкий хлопок со звоном. Это в избе вылетели все стекла, и огонь вырвался наружу.

Еще раз они оглянулись у леса. Около дома уже бегали люди с ведрами, но спасти его было невозможно. Уже горели чердак, пристройки и крыша. Постепенно начали заниматься сухие бревна старого сруба.

Люди с ведрами не гасили погорельцев, а поливали свои дома, боясь, что огонь перекинется на них.

Взглянув на дело своих рук, Гриневский виновато опустил голову, а набожная Галина перекрестилась и отвесила земной поклон. Вспомнив о ребятах в избе, она тихо прошептала: «Мир их праху»...

* * *

За час сыщики обсудили план действий и в полночь вышли на дело.

Варвара и Марфин были в строительной конторе, где располагался офис Гриневского. Судя по их рассказам, этот дом не был крепостью за семью печатями. Это стандартное советское СМУ, чуть подкрашенное европейским лоском.

Одним словом, Крылов больших трудностей не ожидал. Раньше он решал и не такие задачи!

Но Олег всегда помнил другую сторону таких медалей. Она называется – «Закон подлости»! Можно до мелких деталей рассчитать любую операцию. Можно все проводить четко, как по маслу, но в конце всегда найдется закавыка, которая все разрушит.

* * *

Они выехали на двух машинах.

Еще в офисе «Совы» они расписали места парковок, способы связи, а также свои действия в легких непредвиденных ситуациях и в случаях явного ЧП.

Варвара на своем красном «Лексусе» встала слева от входа в контору. Не прямо рядом, а в сорока шагах от входа. Она должна была стоять здесь все время и страховать «налетчиков».

Синий «Рено» Крылова остановился справа, и тоже не очень близко. И не под фонарем!

Олег опасался, что в наш век, «когда космические корабли бороздят просторы», то и бедное СМУ могло разориться на скрытые камеры слежения.

И вот тогда был бы полный провал!

* * *

Они вышли из «Рено», как близнецы-братья. Как инкубаторские цыплята.

Люди в черном – от носков до перчаток. Они шли с бейсболками, прикрывающими лица и с небольшими сумками через плечо.

Первые двадцать минут налетчики проводили разведку местности.

В доме тусклым светом светило всего одно окно. Это была каморка вахтера, в которую можно было заглянуть с улицы.

Олег заглянул.

Охранник спал без задних ног.

Спал крепко! Но, главное, в голом виде – в трусах и в футболке. На столе лежала фуражка. А рядом на стуле валялась форма – куртка с нашивками-эмблемами и брюки с кобурой на ремне.

Вахтер спал капитально!

И это хорошо... Хуже другое. Основной парадный вход в строительную контору был закрыт не на замок, а на засов.

Это даже не засов, а большая скоба из согнутой арматуры. Она хорошо была видна через дверь из алюминия и толстого стекла.

Вскрыть все это без звона и грохота невозможно.

* * *

Правда, разведка дала еще один результат. В дальней части здания была боковая дверь, которая закрывалась снаружи на обычный подвесной «амбарный» замок.

Конечно, внутри тоже мог быть засов. Но его могло и не быть!

Олег решил проверить свою удачу. Он вытащил отмычки и почти на ощупь вскрыл запор, откинул дужку и вынул ее из петель. Замок он сразу положил на крыльцо рядом с входом. Взявшись за ручку, Крылов ласково потянул на себя дверь.

Она вздохнула, скрипнула, но поддалась и распахнулась.

Еще на улице Марфин сообщил Варваре о начале операции. Их сотовые телефоны были включены на связь постоянно. Или, как теперь говорят – «он лайн».

Миша наклонил голову к микрофону и прошептал: «Проникли в коридор. Начинаем работать с дверью Грина. Выходите к фасаду. Страхуйте окно вахтера. Как поняли? Прием».

Последние слова были явно лишние. Почему-то Марфин вспомнил военные фильмы и решил, что работает на фронтовой радиостанции.

Но Варвара на полном серьезе включилась в игру и ответила в том же ключе: «Вас понял. Слышу вас хорошо. Начинаю выполнять»...

* * *

Крылов провозился с замком в офис Гриневского три минуты, с сейфом – пять минут. Так получилось, что Олег запомнил цвет папки, где было завещание Собакина, и место, куда ее положил нотариус.

Очень удобно! Не пришлось рыться во всех документах.

Уходя, Олег прикрывал двери, но не запирали их. А зачем? По всем расчетам они вернутся сюда через два часа и положат документ на место.

Иначе – это было бы воровство! А это уже совсем нехорошо.

* * *

Криминалист Кучкин действительно ждал в своем кабинете. Но не всех, а только Варвару. Она оставила ребят у подъезда, а сама поднялась к эксперту.

* * *

Варя вернулась через час. Волосы взлохмачены, глаза горели, а на лице улыбка победителя.

– Отлично, ребята! Все точно так, как мы и предполагали. Кучкин дает голову на отсечение, что это подделка. Бумагу пропускали через принтер второй раз – уже после подписи Собакина. Фраза о Яремчук, как о наследнице дома в Малаховке вставлена в текст позже.

– И что, этот Кучкин готов дать официальное заключение?

– Готов! Но даже не это главное. В папке с завещанием был еще рукописный конверт: «Моим детям». Представляете, ребята – он вскрыт! И понятно, что не наследниками.

– Гринецкий распечатал?

– Конечно он. А внутри – короткая записка. Это, как особое дополнение к завещанию. Академик пишет детям: «Секреты семьи Собакиных в моем сейфе в Малаховке. Храните эти реликвии. Живите дружно». Просто мелодрама высшего уровня. Сага о Собакиных! Меня даже слеза прошибла.

– Ты женщина, Варвара! Тебе надо быть сентиментальной. А как там Кучкин себя вел.

– В каком смысле?

– В прямом, Варвара! Сейчас ночь. А вы там были наедине... Ну, он не лез к тебе с непристойными предложениями?

– Дураки вы, ребята! Вот уж точно, что мужики. Все мысли только в одном направлении...

* * *

Казалось, что вернуть завещание проще, чем взять. Ведь перед вами открыты все двери! Заходи, клади на место, запирай и уходи.

Но это лишь так казалось...

* * *

Ровно в четыре утра Крылов с Марфиным тем же ходом опять вошли в коридор СМУ. И Михаил, непонятно почему, оставил боковую дверь приоткрытой.

Варвара, согласно штатному расписанию, заняла место под окном охранника. Он лежал в той же позе, покрытый белой простыней. Казалось, что он не проснется до девяти утра, пока в эту стеклянную не начнут стучаться инженеры, бухгалтеры и всякие там прорабы.

Но и это – только казалось!

Почти сразу вахтер заворочался, заерзал и с закрытыми глазами сел на кровати. Возможно, ему приснился кошмар. Или у него были проблемы с аденомой, которая поднимает мужиков каждый час.

Он встал, туманными глазами нащупал свои брюки, надел их, поправил кобуру на ремне и вышел в холл.

Но дальше он пошел не в сторону туалета, что было бы понятно, а вялыми шагами направился к большой стеклянной двери. Охранник снял скобу, распахнул створки и принял на себя поток свежего ночного воздуха.

Но от этого самого воздуха получился перепад давления во всем здании СМУ. Образовался сквозняк, и открытая боковая дверь захлопнулась с шумом и грохотом.

Охранник встрепнулся, вынул из кобуры пистолет и вернулся в холл. Он не понял, откуда пришел этот звук, но знал точно, что никакие двери в его хозяйстве не должны хлопнуть.

Они все заперты!

* * *

Происшествие, конечно, взбудило вахтера, но он так до конца и не проснулся. Он неловко держал оружие в правой руке, а левой дергал за ручки дверей. Вот-вот он подойдет к желтой двери, справа от которой вывеска: «Нотариус Ф.О. Гриневский».

Варвара понимала, что она не успеет предупредить ребят. Или успеет, но они не смогут запереть дверь на отмычку. Это не ключ! Тут и домушнику нужна хотя бы минута.

Когда охранник скрылся за углом, она вбежала в холл, нырнула в его каморку, схватила простыню и нацепила ее на себя.

Вахтеру было около пятидесяти. Он никогда не служил в спецназе, и был обычным пугливым, мнительным человеком. А еще он любил американские ужастики про Крюгера, про вампиров, про человека-паука и прочую нечисть.

Когда он протянул руку к желтой двери Гриневского, то сзади что-то завывло, заквакало и захихикало.

Охранник резко обернулся.

Перед ним стояло нечто белое без лица и тела. Оно все колыхалось и плясало, как шаман или ведьма.

И почти сразу это «нечто» заговорило!

Голос у этой субстанции был гнусный, писклявый и мяукающий.

– Вот она я! Пришел час расплаты. Ты зачем изменял жене?

– Так я давно. И всего-то три разика.

– Вот за это ты и заплатишь, кот поганый! Поздно каяться. Мяу! Я за тобой пришла!

– Не надо. Я больше не буду.

Охранник заныл, запричитал, взмахнул пистолетом и стал оседать, скользя спиной по стеночке.

Варвара распахнула желтую дверь, за которой в боксерской стойке замерли Олег и Миша. Они уже заперли сейф, но не успели понять, что происходит в холле и коридоре. Сначала грохот, а потом включенный телефон Варвары донес до них странный текст. Они начали выходить и чуть не споткнулись об охранника.

– Варя, что с ним?

– Думаю, что обморок. Я его испугала!

– Это ты можешь! Надо Кучкину позвонить. Он-то живой, или тоже в отключке... Шутка! Тащим этого в каморку.

Крылов и Марфин подхватили вахтера и поволокли. Возле кровати Варвара расстегнула у мужика брюки, стянула их вниз и аккуратно положила на стул, заправив пистолет в кобуру.

И сразу же тело положили туда, где оно недавно спало. Варя накрыла свою жертву простыней и поспешила к стеклянной двери. Она закрыла ее изнутри, нацепи скобу из арматуры.

Уходя из каморки охранника, Марфин нашел в своем кармане малюсенький флакончик с красноватой жидкостью. Это вьетнамская смесь эфирных масел «Золотая заезда». Там ментол, гвоздика, мята и всякое такое.

Миша вместо нашатырного спирта помазал этой смесью бедолаге под носом. Тот вдохнул и начал приходить в себя.

Олег в это время успел отмычкой запереть желтую дверь. И все побежали к боковому выходу, который предстояло закрыть на тяжелый амбарный замок.

Когда операция завершилась, они пробрались к окошку, где горел тусклый свет.

Охранник сидел на кровати и протирал глаза.

Потом он встал и начал приноживаться. Он никогда не пользовался бальзамом «Золотая звезда», но точно знал, что нечистая сила, прилетая в гости, испускает запах серы и еще чего-то.

Было интересно, но немного опасно наблюдать за вахтером. И Олег Крылов дал команду: «По машинам! Завтра встречаемся в офисе».

* * *

Совещание проходило напряженно.

Савенков в общих чертах уже знал ситуацию и злился. Докладывал Крылов, и, как хороший руководитель, он брал всю вину на себя, а успехи приписывал коллегам.

– Объективно получается, что информацию получили важную, но риск был неоправданно высок. На всех этапах была поспешность и опасность провала. А особенно мне стыдно за эпизод с охранником.

– Это, когда Варвара с одной простыней пошла на мужика с пистолетом. Смертельный трюк!

– Виноват, Игорь Михайлович. Мне надо было сразу заклинить дверь в каморку, и у нас было бы время для отхода. Кстати, я проверил пистолет вахтера – патроны были холостые.

Савенков встал, заскрипел зубами и задвигал скулами. Жестом он усадил Олега на место, а сам стал ходить вдоль стола.

– Патроны холостые? Это вы потом узнали! А были бы настоящие? И начал бы этот стражник палить в привидение? Не один выстрел бы произвел, а всю обойму бы потратил? Что было бы с Варварой? Тыр-пыр, восемь дыр! Да и охранник мог быть сердечником и отдать концы. Я и сам боюсь нечистую силу... Ты, Варя, покажи мне потом, как ты это делала.

Последние фразы немного разрядили обстановку. Все знали, что Савенков совсем не строгий начальник. А когда закипает, то моментально отходит. И сейчас он не злился, а волновался за них.

– Значит так, ребята! Про эту операцию больше говорить не будем. Сами делайте выводы. А информацию вы притащили важную! Теперь надо планировать наши дальнейшие действия. И чтоб – без привидений!

* * *

Обсуждали очень долго!

Но основные выводы были неутешительные. Гриневского и Галину Яремчук можно брать, но лишь за мошенничество с завещанием.

Не ясно главное – то, из-за чего начался весь сыр-бор.

Вот только некоторые яркие вопросы: кто такой «бородач»? Умер ли академик своей смертью? Где платиновый пудель? Как найти остальную свору от Фаберже? Или ее уже нашли и собираются переправить в Париж?

Основная версия лежала на поверхности. Предположим, что «бородач» – это Гриневский. Как нотариус, он узнал у клиента тайну о сокровищах. Выкрал в кабинете пуделя. С фотографиями собачки поехал в Париж. Потом посетил антиквара Рыжова и чуть не прибил его. Затем звонил Варваре и удирал с сообщниками на сгоревшей потом «Хонде». Все сходится!

А где коллекция? Или она все еще малаховском доме? И именно поэтому пришлось подделать завещание? А врач Яремчук помогла академику поскорее уйти, предложив ему убийную дозу лекарства?

Версия очень стройная и заманчивая! Но в этом ее опасность. Гладко было на бумаге, но забыли про овраги! Нет доказательств ни по одному пункту, кроме подделки завещания.

Гриневского без бороды никто не опознает! Пудель может храниться в самом тайном тайнике! А где коллекция – тоже вопрос. В двадцатых годах чекисты несколько раз перепали дом в Мытищах и собачек не нашли.

Или нашли?

* * *

Савенков понимал, что надо принимать решение.

– Значит так, ребята. Надо делать все быстро, но не спешить. Пойдем на временное беззаконие. Установим прослушку в квартире Гриневского. Теперь второе – посмотрим на дачу Собакиных изнутри. Возможно, что тайник там уже найден и вскрыт. И последнее – проведем захват поджигателей «Хонды». Полиция их будет колоть по угону машины, а мы по своим делам.

В этот момент у Крылова зазвонил телефон. Мудрый Савенков приказал сотрудникам иметь всегда два мобильного. Личный сотовый на совещаниях отключать, а служебный держать на приеме.

Олег взглянул на имя вызывающего, поднял вверх руку и начал разговор. С первых же слов он занервничал, начал повышать голос и отрывисто спрашивать: «Что? Где? Когда? А мы хотели к тебе приехать».

Отключив телефон, Крылов обратился к Савенкову:

– Захват поджигателей «Хонды» отменяется. Некого больше захватывать. Звонил участковый. Этой ночью в деревне Сосенки сгорел дом, а в нем два трупа. Предположительно – Яков Харитонов и его сообщник.

– Причина пожара?

– Вероятно, поджог. Но свидетелей нет, а все следы залили и затоптали. Если вернуться к нашей версии, похоже, что Гриневский убирает свидетелей. Вот такие дела, Игорь Михайлович.

– Это плохо, Олег, но ничего страшного. У нас отпал третий пункт плана. Начинаем работать по первым двум.

– Кто поедет в Малаховку?

– Варвара! Ну и ты, Олег. Там же замки придется вскрывать. А мы с Марфиным установим прослушку в квартире Гриневского. Техника у меня есть. С соседями я сам договорюсь. Все ясно? Так чего сидим? Кого ждем?

* * *

С установкой техники Михаил справился бы сам. Но Савенков поехал не затем, чтоб держать дрель. Предстояло найти квартиру, стены которой примыкают к гостиной и спальне Гриневского. Потом надо уговорить этих соседей, уломать их, привлечь к сотрудничеству. Одним словом – завербовать в полном смысле этого понятия. С отбором подписки о неразглашении.

Старый оперативник Савенков умел это делать, а технарь Марфин – нет.

* * *

Подходящая квартира располагалась в соседнем с Гриневским подъезде. Одна из стен примыкала к гостиной нотариуса, другая к его с Галиной спальне. Толщина бетона в этом месте – двадцать сантиметров.

Хозяева квартиры – пара раннего пенсионного возраста. По внешнему виду – научные работники или учителя литераторы. Оба аккуратненькие, седые, в очках.

Они не стали разговаривать в дверях, а как чистые интеллигенты пригласили гостей в гостиную.

Это была не только вежливость. Им очень не хватало общения. Телевизор они всегда считали ящиком для дураков. Дачи и гаража у них не было. И внуков не было. И на лавочке они не сидели.

Раньше жизнь сама крутилась вокруг них. А когда они выпали на пенсию, то это сразу отсекло коллег, приятелей и знакомых. А друзей, как оказалось, у них никогда не было.

Старики были в здравом уме и трезвой памяти, но никак не могли уяснить, что хочет от них полковник Савенков из какой-то «Совы».

Как и положено в приличной семье, деловую часть беседы с гостем вел хозяин – Владимир Ильич Бабкин.

– Я вас не понял, Игорь Михайлович. Мы всегда были лояльны к властям. Скорее даже – нейтральны и индифферентны. И мы соблюдали моральные принципы! А вы предлагаете, пardon, подсматривать за соседями. Это, как говорят, ни в какие ворота.

– Вы ошибаетесь, уважаемый Владимир Ильич. Мы будем лишь прослушивать ваших соседей.

– Какая разница?

– Огромная! Подсматривать, это подглядывать. Тут действительно есть аморальный оттенок. А слушать, это получать информацию о преступниках... Вы хотите, чтоб в Москве расцвел криминал? Хотите, чтоб буржуи продолжали грабить страну?

– Вот только не цепляйтесь к моему имени. Думаете, если я Владимир Ильич, то должен ненавидеть буржуев. Я либерал и отношусь к ним спокойно... Хотя раньше я лучше о них думал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.